ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Л. Н. Толстой

БАСНИ, СКАЗКИ РАССКАЗЫ

Басни, сказки, рассказы
Лев Николаевич Толстой

Аннотация
Лев Николаевич Толстой. Басни, сказки, рассказы
Сила детства
Басни
- Девочка и стрекоза
- Волк и кость
- Баба и курица
- Черепаха и орёл
- Хорёк
- Курица и золотые яйца
- Лягушка и лев
- Олень и ланчук
- Лев, медведь и лисица
- Мышь и лягушка
- Собака и её тень
- Лисица и журавль
- Работницы и петух
- Лисица и виноград
- Кораблекрушение
- Лев и осёл
- Растолстевшая мышь

Галка и кувшин
Горшок и чугунок
Стрекоза и муравьи
Осёл в львиной шкуре
Волк и лисица
Орёл и лисица
Курица и ласточка
Галка и голуби
Пастух
Заяц и черепаха
Камыш и маслина
Лисица и козёл
Заяц
Мужик и собака
Лягушка, мышь и ястреб
Собака с палкой
Собака, петух и лисица
Собака на сене
Мужик и счастье
Волк и коза
Муравей и голубка
Медведь и пчёлы
Птичка
Павлин и журавль
Перепел и охотник
Волк и журавль

Скупой
Собака и вор
Кошка и баран
Волк и кобыла
Обезьяньи дети
Лев и мышь
Лисица и волк
Лев, осёл и лисица
Солнце и ветер
Два петуха и орёл
Конь и кобыла
Старик и смерть
Уж и ёж
Кошка и лисица
Олень и лошадь
Обезьяна и лисица
Лгун
Олень и виноградник
Осёл и лошадь
Волк и старуха
Садовник и сыновья
Журавль и аист
Павлин
Рыбак и рыбка
Комар и лев
Дикий и ручной осёл

Собака и волк
Два товарища
Пчёлы и трутни
Лошадь и хозяева
Воробей
Ястреб и голуби
Олень
Лев и лисица
Кот и мыши
Хозяин и работник
Летучая мышь
Ворон и лисица
Лягушки, просящие царя
Зайцы и лягушки
Отец и сыновья
Лисица
Волк и ягнёнок
Путники
Бык и лягушка
Волк и белка
Купец и воры
Кот с бубенцом
Две лягушки
Орёл, ворона и пастух
Волчица и свинья
Лисица и волк

- Мышь полевая и мышь городская
- Мужик и водяной
- Море, реки и ручьи
- Тетерев и лисица
- Мышь, петух и кот
- Волк и собака
- Лев, волк и лисица
- Перепёлка и её дети

Сказки

- Царские братья
- Судома
- Визирь Абдул
- Царь и рубашка
- Царское новое платье
- Корова и козёл
- Как мужик гусей делил
- Девочка и разбойники
- Три медведя
- Ореховая ветка
- Липунюшка
- Мальчик с пальчик
- Два брата
- Уж
- Царский сын и его товарищи
- Волк и мужик
- Шат и Дон

Рассказы

Лев и собачка. Быль

Девочка и грибы. Быль

Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза. Быль

Орёл. Быль

Как дядя рассказывал про то, как он ездил верхом

Как тётушка рассказывала о том, как она выучилась шить

Пожарные собаки. Быль

Лебеди. Описание

Косточка. Быль

Филипок. Быль

Зайцы. Описание

Русак. Описание

Черёмуха

Булька. Рассказ офицера

Булька и кабан

Котёнок. Быль

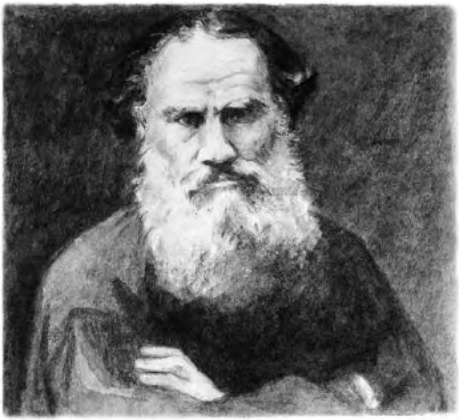
Акула

Прыжок. Быль

Рассказ аэронавта

Аннотация

В книгу вошли избранные басни, сказки и рассказы из учебных книг Л. Н. Толстого. Для среднего школьного возраста.

Лев Толстой

1828—1910

Лев Николаевич Толстой
Басни, сказки, рассказы

© Ломунов К., вступительная статья, 1987
© Яровой С., иллюстрации, 1987
© Оформление серии. Издательство «Детская литература», 2005

* * *

Сила детства

Первым произведением, с которым Лев Толстой выступил в печати, явилась повесть «Детство». И читатели, и критики были от нее в восторге. Все тогда говорили, что родился новый замечательный писатель, который прославит русскую литературу в веках. И не ошиблись.

Толстой отзывался с похвалой о немногих своих произведениях. А повесть «Детство» он любил до конца своих дней. «Когда я писал „Детство“, — говорил он в 1908 году, — то мне казалось, что до меня никто еще так не почувствовал и не изобразил всю прелесть и поэзию детства».

И в самом деле, трудно припомнить другое произведение русской и зарубежной литературы, в котором бы так тепло, так задушевно, так поэтично была воспета начальная пора человеческой жизни. «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! — пишет Толстой. — Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освещают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений».

Счастье детства Толстой видит в удивительной

свежести чувств юного существа, в доверчивости детского сердца, в потребности любви и дружбы, в стремлении делать людям добро, говорить им правду и защищать ее всеми силами.

Взрослые не всегда понимают, чего хотят и к чему стремятся дети, отталкивают их от себя. Объясняя это взрослым, Толстой брал детей под защиту. «Школьники — люди, — писал он в основанном им журнале „Ясная Поляна“, — хотя и маленькие, но люди, имеющие те же потребности, какие и мы, и теми же путями мыслящие; они все хотят учиться, затем только ходят в школу… Мало того, что они люди, они — общество людей, соединенное одною мыслью».

Защитником, учителем, наставником детей, а также детским писателем Толстой стал не по обязанности, а по зову сердца. Один из близких его помощников писал: «Лев Николаевич всю свою жизнь очень любил детей: и самых маленьких, и более старших, всегда проводил с ними много времени: зимою катался на коньках или на санках с гор, ходил на лыжах, а летом гулял по полям, лесам, собирал с ними цветы, ягоды, грибы. И всегда он им что-нибудь рассказывал. И чего только не рассказывал! И про себя, какой маленький был, и как в молодости на Кавказе

жил, и про своих родителей, знакомых и всевозможные истории, и басни, и сказки. И дети могли слушать его сколько угодно; слушали бы и слушали, потому что уж очень он интересно, занятно про все рассказывал»[1].

Толстой с огромным увлечением обучал крестьянских детей в своей Яснополянской школе, открытой в 1859 году. На другой год он поехал за границу, назвав свою поездку «путешествием по школам Европы». Ему хотелось перенять все лучшее, чем гордились французские, английские, немецкие, швейцарские учителя. А перенимать оказалось почти нечего. В школах, которые посетил Толстой, царила палочная дисциплина, применялись телесные наказания, учеников заставляли механически зазубривать целые страницы из учебников. Побывав в немецком городе Киссенгене, Толстой записал в дневнике: «Был в школе. Ужасно. Молитва за короля, побои, все наизусть, испуганные, изуродованные дети».

Во французском приюте писатель увидел не менее грустную сцену: «Четырехлетние дети по свистку, как солдаты, делают эволюции вокруг лавок, по команде поднимают и складывают

[1] Примечания: 1

Сергеенко А. Как Л. Н. Толстой рассказывал сказку об огурцах. М.: Детгиз, 1958. С. 3.

руки и дрожащими и странными голосами поют хвалебные гимны Богу и своим благодетелям…»

В немецкой школе Толстой присутствовал на уроке наглядного обучения. Что же он увидел? Учитель долго показывал детям картинку, на которой была нарисована рыба. «Что это такое, милые дети?» — спрашивает он. «Это рыба», — слышится робкий ответ. «Нет, — отвечает учитель. — Что вы видите?» Дети молчат. Они сидят чинно, не шевелясь. «Что же вы видите?» — «Книжку», — говорит самый глупый. Умные школьники в недоумении, а учитель радуется! «Да, да, очень хорошо, книга. А в книге что?» Самый бойкий отвечает: «Буквы». Но учитель недоволен: «Надо думать о том, что говоришь».

И еще долго продолжался этот странный урок. Учитель не успокоился, пока не добился ответа, что в руках у него «картина, изображающая рыбу».

Когда Толстой вернулся на родину и побывал в начальных классах русской школы, он увидел, что и здесь учителя мучают школьников «наглядным» обучением. Ребятам задавали, например, такие вопросы: «В чем состоит различие между курицей и собакой? А в чем сходство между ними?» Или: «Действие рыбы состоит в том, что

она плавает. А действие змеи, блохи, соловья, таракана, учителя, ученика?»

Даже самые сообразительные школьники не знали, что им ответить на такие вопросы. «Все, что вы видите, — писал о подобных „уроках“ Толстой, — это скучающие лица детей, насильно вогнанных в училище, нетерпеливо ожидающих звонка и вместе с тем со страхом ожидающих вопроса учителя…»

Вот тогда-то и появились в печати статьи Толстого-педагога, в которых он заявил, что ни в царской России, ни в странах буржуазного Запада никто не заботится о том, чтобы дети из народа получили настоящее образование. «Школа, — писал Толстой, — только тогда хороша, когда отвечает интересам народа». И он попытался создать такую школу в своей усадьбе Ясная Поляна.

«В школе у нас было весело, — вспоминает один из любимых учеников Толстого Василий Морозов, — занимались с охотой. Но еще с большей охотой, нежели мы, занимался с нами Лев Николаевич. Так усердно занимался, что нередко оставался без завтрака. В школе вид он принимал серьезный. Требовал от нас чистоты, бережливости к учебным вещам и правдивости. Не любил,

если кто из учеников допускал какие-нибудь глупые шалости… Любил, чтобы на вопрос ему отвечали правду, без задней выдумки… Порядок у нас был образцовый за все три года».

Толстому хотелось, чтобы его ученики получали знания по многим предметам: чтению, письму, арифметике, русской истории, математике и другим. Он хотел также приохотить их к труду на земле — ребята сеяли и выращивали лен, горох, морковь, репу, сами убирали урожай.

Одним из любимейших занятий яснополянских школьников было писание и обсуждение сочинений. Лучшие из них печатались в книжках, выпускавшихся приложениями к журналу «Ясная Поляна». В статье «Кому у кого учиться писать…» Толстой поведал о том, как он вместе с даровитейшими своими учениками, Федькой и Семкой, писал повесть на пословицу «Ложкой кормит, стеблем глаз колет». Лучшие ее страницы, по признанию Толстого, принадлежат не ему, а его «соавторам» — Федьке и Семке…

Мы, разумеется, не верим молодому Толстому, когда он пытается убедить нас в том, что Федька и Семка как «писатели» были талантливее, чем он — будущий автор «Войны и мира» и других великих романов. Но мы не можем и усомниться в его

искренности: он в ту пору так думал. Но главное в другом — в том, что Федька, Семка и другие ученики Яснополянской школы помогли ему тогда овладеть подлинно народным языком, которым он десять лет спустя напишет «Азбуку», «Новую азбуку» и четыре «Русские книги для чтения». По этим «учебным книгам» Толстого будут обучаться несколько поколений русских школьников. Многие произведения из этих книг и сегодня издаются у нас миллионными тиражами.

Половину «учебных книг» Толстого занимают басни. Им писатель придавал большое значение. В годы работы над «Азбукой» он усиленно изучал греческий язык. Его приводили в восхищение басни древнегреческого поэта Эзопа, родоначальника басенного жанра в мировой литературе, жившего четыре с половиной тысячи лет назад. «Эзоповы басни» давно используются как учебные книги в школах разных стран. Их переводят с греческого широко известные писатели и поэты. В России басни Эзопа переводил прославленный баснописец И. А. Крылов — «дедушка Крылов», как зовут его наши младшие школьники.

Толстой решил перевести заново басни Эзопа и сделал это не стихами, а прозой. Ему казалось, что в стихотворных переводах много отступлений

от эзоповских подлинников: вводятся излишние подробности, слишком длинно и скучно излагается в концовках басен «мораль» — то есть то, чему они учат.

Переводя на русский язык басни Эзопа, Толстой старался передать простоту их содержания, ясность их языка. «Надо, чтоб все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно», — говорил Толстой о своей работе над книгами для детей.

Писатель был уверен, что в них «всякий ученик может все понять». При этом, в отличие от Эзопа, Толстой не поясняет в конце каждой басни, какое «нравоучение» вытекает из ее содержания, а предлагает школьникам самим об этом подумать.

Старший сын писателя, Сергей Львович, рассказывал, что Толстой просил школьников не выучивать содержание басен, а передавать его своими словами. И вот что у них однажды вышло. В одной эзоповской басне, напоминает Сергей Львович, рассказано, как «Лев, осел и лисица вышли на добычу. Наловили они много зверей, и лев велел ослу делить. Осел разделил поровну на три части и говорит: теперь берите! Лев рассердился, съел осла и велел лисице переделить. Лисица все собрала в кучу, а себе чуточку остави-

ла. Лев посмотрел и говорит: ну, умница! Кто тебя научил так хорошо делить? Она говорит: пример осла… При пересказе басни один ученик вместо «пример осла» сказал: «А с ослом-то что было?», и Толстой воспользовался этим выражением»[2].

В нашем сборнике есть эта басня — «Лев, осел и лисица», в ней Толстой действительно отбросил скучное, книжное окончание, заменив его меткими словами находчивого ученика.

В баснях Эзопа Толстой, по его словам, находил «мужицкий здравый смысл» и был недоволен, когда переводчики его нарушали. Все знают знаменитую басню «Ворона и Лисица». И во французском, и в русском ее переводах сказано, что вороне «где-то Бог послал кусочек сыру». Однако «ни вороне, ни лисице не свойственно питаться сыром, — говорил Толстой. — Насколько лучше сказано у Эзопа: «Ворон держал в клюве кусок мяса». И он решительно восстановил в переводе эзоповское название басни «Ворон и Лисица».

Толстой так был увлечен творчеством Эзопа, что включил в свои книги для школьников почти пятьдесят его басен. Кроме того, он ввел в «Азбуку» и «Книги для чтения» более тридцати

---

[2] Примечания: 2
Ясная Поляна: статьи и документы. М., 1942. С. 101–102.

восточных басен — индийских, персидских, турецких и арабских.

Что дает басня юному читателю? Вспомним слова Пушкина о сказке: «Сказка ложь, да в ней намек!

Добрым молодцам урок». В баснях из толстовских учебных книг также заключены «намеки», из которых надо уметь извлечь добрые, полезные, нравственные уроки.

Много лет изучавший жизнь и творчество великого писателя его биограф Н. Н. Гусев так обозначил главные темы басенного материала в «Азбуке» Толстого: «В баснях Эзопа, помещенных Толстым в его «Азбуку», порицаются и осмеиваются: глупость, безрассудство, несообразительность, тупость и закоснелость, легкомыслие, беспечность, эгоизм, нетоварищеское отношение, тщеславие, пустота и надутость, честолюбие, гордость и самомнение, пренебрежение опытом старших, дурное товарищество, обман и самообман, трусость и малодушие, ложь, неблагодарность, злоба, козни, ссоры и распри. Поощряются и восхваляются: ум, сметливость, благоразумие, трудолюбие, скромность, товарищество, дружба, честность, правдивость, смелость, бескорыстие,

любовь к свободе»[3].

Этот список кажется настолько полным и точным, что к нему трудно что-нибудь добавить. Следует лишь заметить, что сводные темы и сюжеты Толстой использовал не только в баснях, но и в сказках, рассказах, былях, историях и даже в отдельных научно-популярных статьях о животных и растениях, о солнце, море, звездах и других явлениях природы, — короче говоря, в произведениях самых разных жанров.

Раздел сказок в учебных книгах Толстого менее обилен, чем раздел басен. Однако он очень разнообразен. Составляя его, Толстой широко использовал произведения знаменитых немецких сказочников братьев Гримм, не менее знаменитого датского сказочника Ханса Кристиана Андерсена, а также автора сборников французских сказок Шарля Перро, известнейшую книгу А. Н. Афанасьева «Русские народные сказки». Несколько сказок Толстой заимствовал из всемирно известной книги «Тысяча и одна ночь».

Как и басни Эзопа, писатель подвергал чужеземные сказки обработке, стремясь к тому, чтобы они были до конца поняты русскими школьни-

---

[3] Примечания: 3

Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963. С. 62–63.

ками. Так, например, в андерсеновской сказке «Новое платье короля» Толстой сделал несколько замен: вместо короля появился царь, а вместо ребенка, который первым закричал, что король голый, Толстой ввел дурачка, в русских сказках всегда оказывающегося умнее всех других.

Изменилась в обработке Толстого и концовка этой сказки. У Андерсена и после того, как ребенок крикнул, что король-то голый, он как ни в чем не бывало продолжает разгуливать по городу. А Толстой кончил сказку так: «И царю стало стыдно, что он не одет и увидали, что на царе ничего не было». И последняя замена, сделанная Толстым в андерсеновской сказке, — ее другое заглавие: «Царское новое платье».

Значение этой сказки состоит не только в том, что она очень забавна, но и в том, что она помогает юным читателям постичь «запретную» мысль: оказывается, можно посмеяться над «священной особой» короля (или царя), когда она сама себя делает смешной.

И уж совсем не на веселые мысли наводит сказка «Царь и рубашка». Заболевшему царю мудрецы сказали, что сто́ит только найти счастливого человека, отнять у него рубашку, надеть ее на царя, и тот тут же будет здоров. И вот цар-

ские послы кинулись во все концы государства искать счастливого человека. Измучились, пока нашли. Слышат: в избушке человек благодарит Бога за счастливую жизнь. Обрадовались послы, вошли в избушку и увидели, что счастливый был так беден, что на нем не было и рубашки. Вот так «счастье»!

Нет сомнений, что когда школьники станут постарше и после «Азбуки» Толстого в их руки попадет знаменитая поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», они вспомнят сказку «Царь и рубашка», ведь оба эти произведения говорят об одном и том же — о народном горе и нищете в старой, царской России.

С восторгом читалась яснополянскими школьниками сказка «Как мужик гусей делил». В ней прославляется хитроумная смекалка, с помощью которой крестьянин-бедняк оставил в дураках сначала глупого барина, затем и богатого, жадного мужика.

Этот мотив развивается и в замечательной сказке «Липунюшка», взятой Толстым из сборника «Великорусские сказки», изданной в 1861 году. Писатель сделал ее короче, обработал язык ее персонажей, и сказка заблестела, как отшлифованная мастером жемчужина народного

творчества. В «Липунюшке» насмешка над заносчивым барином соединяется с прославлением любви чудом появившегося на свет маленького героя к старому крестьянину, которого он зовет батюшкой, и его жене, которая для Липунюшки стала доброй матушкой.

Третий раздел нашего сборника составляют рассказы Толстого, написанные им для «Азбуки», «Новой азбуки» и «Русских книг для чтения».

Большую группу в этом разделе составляют произведения, которые можно было бы назвать рассказами бывалых людей. Это видно из их заглавий: «Как дядя рассказывал про то, как он ездил верхом», «Как тетушка рассказывала о том, как она выучилась шить». К «бывалым людям» можно отнести и мальчика, который «рассказывал про то, как его в лесу застала гроза».

Наибольший интерес в этом разделе «Азбуки» представляет «Рассказ аэронавта». В нем с удивительной достоверностью переданы впечатления и переживания человека, совершившего первый в его жизни полет на воздушном шаре, проведшего в воздухе три часа и благополучно приземлившегося в 250 верстах от родного города, откуда началось его столь необычное в то время путешествие.

Заметим, что в «Азбуке» «Рассказу аэронавта» предшествует статья «Как делают воздушные шары». Она представляет собой сокращенную, переработанную Толстым статью «Воздушные шары», напечатанную в журнале «Детское чтение» (1870, т. III, с. 307–319).

Нельзя не поразиться прозорливости писателя: воздухоплавание в то время делало первые шаги. А писатель приметил в детском журнале статью об этой новой области науки и техники и, предвидя ее великое будущее, поместил в «Азбуке» изложение статьи о воздушных шарах и увлекательнейший «Рассказ аэронавта».

Несколько рассказов Толстой посвятил своим четвероногим друзьям — Бульке и Мильтону. Он пишет о них с такой любовью, так тепло и заинтересованно, что юным читателям остается поверить, что Булька и Мильтон были едва ли не самыми умными, добрыми и преданными собаками на всем свете.

Действие большей части рассказов Толстого в его «учебных книгах» развертывается на Русской земле. Но есть несколько рассказов, которые переносят читателей в другие страны («Акула», «Прыжок», «Пожарные собаки»). Они расширяют представления о мире и читаются с захватыва-

ющим интересом, представляя собой образцы произведений приключенческой литературы. Толстой в них показал, что значит писать для детей занимательно. Дух захватывает от одной мысли о том, что было бы с мальчиками, уплывшими в море, если бы старый артиллерист не выстрелил из пушки и не убил настигавшую пловцов акулу.

А у кого не замирает сердце при чтении рассказа «Прыжок»?.. Смертельная опасность подстерегала мальчика, погнавшегося за обезьяной, утащившей его шляпу на мачту корабля. Отец мальчика, капитан корабля, заставил его с огромной высоты прыгнуть в море и тем спас жизнь сына…

Когда мы — и дети, и подростки, и взрослые — читаем такие рассказы Толстого, о чем мы думаем, какие чувства овладевают нами?

Ответим на этот вопрос словами самого писателя. В его книге «Круг чтения» есть короткое изложение эпизода из одного романа Виктора Гюго. В нем рассказано, как трехлетний мальчик спас жизнь своему отцу, которого толпа разгневанных людей вела на смертную казнь. Ребенок бросился к отцу и ни за что не хотел его оставить, пока тот не уговорил его уйти, пообещав скоро к

нему вернуться. Мальчик поверил отцу и ушел. Тогда толпа освободила приговоренного к смерти, решив, что нельзя обмануть ребенка: его вера в слово отца — святая вера и никто не смеет ее нарушить…

Этому отрывку Толстой дал заглавие: «Сила детства». Писатель вложил в эти два слова глубокий смысл, обозначив ими главную тему всех произведений о детях, вошедших в его «учебные книги». Почти все они — о силе детства, жадно, стремительно вступающего в жизнь, осваивающего ее разные, в том числе и очень трудные стороны.

Остается ко всему сказанному добавить, что «Азбука», «Новая азбука» и четыре «Русские книги для чтения» в свое время сыграли роль первой в нашей стране детской энциклопедии, из которой юные читатели получали не только поэтические, художественные впечатления, но и начальные сведения по истории, астрономии, ботанике, зоологии, физике, химии, механике и другим наукам.

В поисках интересного материала для своей детской энциклопедии Толстой не жалел ни сил, ни времени, ни труда. «Эта азбука, — говорил он, — может дать работы на 100 лет. Для нее

нужно знание греческой, индийской, арабской литературы, нужны все естественные науки, астрономия, физика, и работа над языком ужасная — надо, чтобы все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно».

Овладевая всеми этими материалами, Толстой и в учебных книгах оставался прежде всего художником. «Дети, — говорил писатель, — строгие судьи в литературе. Нужно, чтобы рассказы были для них написаны и ясно, и занимательно, и нравственно».

Многие из произведений Толстого, предназначенных для детей, состоят всего из нескольких строк. Он переделывал их десятки раз, добиваясь, чтобы в них не осталось ни одного лишнего слова. Образцом ему служили произведения устного народного творчества, о которых он всегда говорил с восторгом.

Учебные книги Толстого — и в особенности его рассказы для детей — высоко ценили выдающиеся деятели отечественной школы и народного просвещения.

Однако по-настоящему народными явились не посредниковские издания, а «учебные книги» Толстого, созданные писателем, как он говорил, для «детей народа».

Толстой был уверен, что «песни, сказки, былины — все простое, будут читать, пока будет русский язык».

К этим полным гордости словам можно добавить, что, пока будет жить на свете русский язык, будут читать и «Азбуку» Толстого, и его четыре «Русские книги для чтения».

К. Ломунов

Басни

Девочка и стрекоза

Девочка поймала стрекозу и хотела рвать ей ноги. Отец сказал:

— Эти самые стрекозы поют по зарям.
Девочка вспомнила их песни и пустила.

Волк и кость

Волк нёс кость. Напали на него щенята. Волк мог бы щенят загрызть, да не хотел разжать пасть, пустить кость, и бежал от щенят.

Баба и курица

Одна курица несла каждый день по яичку. Хозяйка подумала, что если больше давать корму, курица вдвое будет нестись. Так и сделала. А курица зажирела и вовсе перестала нестись.

Черепаха и орёл

Черепаха просила орла, чтобы научил её летать. Орёл не советовал, потому что ей не пристало, а она всё просила. Орёл взял её в когти, поднял вверх и пустил: она упала на камни и разбилась.

Хорёк

Хорёк зашёл к меднику и стал лизать подпилок. Из языка пошла кровь, а хорёк радовался, лизал, — думал, что из железа кровь идёт, и погубил весь язык.

Курица и золотые яйца

У одного хозяина курица несла золотые яйца. Ему захотелось сразу побольше золота, и он убил курицу (он думал, что внутри её большой ком золота); а она была такая же, как и все курицы.

Лягушка и лев

Лев услыхал — лягушка громко квакает, и испугался. Он подумал, что большой зверь так громко кричит. Он подождал немного, видит — вышла лягушка из болота. Лев раздавил её лапой и сказал:

— Вперёд не рассмотревши, не буду пугаться.

Олень и ланчук

Ланчук[4] сказал раз оленю:

— Батюшка, ты и больше, и резвее собак, да ещё и рога у тебя огромные на защиту; отчего же ты так боишься собак?

Олень засмеялся и говорит:

— Правду говоришь, дитятко. Одна беда: как только услышу собачий лай, не успею подумать, а уж бегу.

---

[4] Примечания: 4

Ланчу́к — молодой олень. (*Примеч. Л. Н. Толстого.*)

Лев, медведь и лисица

Лев и медведь добыли мяса и стали за него драться. Медведь не хотел уступить, и лев не уступал. Они так долго бились, что ослабели оба и легли. Лиса увидала промеж их мясо, подхватила его и убежала.

Мышь и лягушка

Пришла мышь в гости к лягушке. Лягушка встретила мышь на берегу и стала её звать к себе в хоромы под воду. Мышь полезла, да воды хлебнула и насилу жива вон вылезла.

— Никогда, — сказала она, — к чужим людям в гости ходить не буду.

Собака и её тень

Собака шла по дощечке через речку, а в зубах несла мясо. Увидела она себя в воде и подумала, что там другая собака мясо несёт, — она бросила своё мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а своё волною унесло.

И осталась собака ни при чём.

Лисица и журавль

Лисица позвала журавля на обед и подала похлёбку на тарелке. Журавль ничего не мог взять своим длинным носом, и лисица сама всё поела.

На другой день журавль к себе позвал лисицу и подал обед в кувшине с узким горлом. Лисица не могла продеть морду в кувшин, а журавль всунул свою долгую шею и всё выпил один.

Работницы и петух

Хозяйка по ночам будила работниц и, как запоют петухи, сажала за дело. Работницам тяжело показалось, и они вздумали убить петуха, чтобы не будил хозяйки. Убили, им стало хуже: хозяйка боялась проспать и ещё раньше стала поднимать работниц.

Лисица и виноград

Лисица увидала — висят спелые кисти винограда и стала прилаживаться, как бы их съесть.

Она долго билась, но не могла достать. Чтобы досаду заглушить, она говорит:

— Зелены ещё.

Кораблекрушение

Плыли рыбаки в лодке. И стала буря. Им стало страшно. Они вёсла бросили и стали молить Бога, чтобы Он их спас. Лодку несло по реке всё дальше от берега. Тогда один старший рыбак сказал:

— Что вёслы бросили? Богу-то молись, а к берегу гребись.

Лев и осёл

Пошёл раз лев на охоту и взял с собой осла и сказал ему:

— Ты зайди, осёл, в лес и кричи что есть мочи, у тебя горло просторно. Какие звери от этого крика пустятся бежать, я тех поймаю.

Так и сделал. Осёл кричал, а звери бежали куда попало, и лев ловил их. После ловли лев сказал ослу:

— Ну, хвалю тебя, ты хорошо кричал. И с тех пор осёл всё кричит, всё ждёт, чтобы его хвалили.

Растолстевшая мышь

Мышка грызла пол, и стала щель. Мышь прошла в щель, нашла много еды. Мышь была жадна и ела так много, что у ней брюхо стало полно. Когда стал день, мышь пошла к себе, но брюхо было так полно, что она не прошла в щель.

Галка и кувшин

Хотела галка пить. На дворе стоял кувшин с водой, а в кувшине была вода только на дне. Галке нельзя было достать. Она стала кидать в кувшин камушки и столько наклала, что вода стала выше и можно было пить.

Горшок и чугунок

Поспорил горшок с чугуном. Горшок стал грозить, что ударит чугун. А чугун говорит:

— Всё равно, — ты ли меня ударишь, я ли тебя ударю, не я, а ты разобьёшься.

Стрекоза и муравьи

Осенью у муравьёв подмокла пшеница: они её сушили. Голодная стрекоза попросила у них корму. Муравьи сказали:

— Что ж ты летом не собрала корму?

Она сказала:

— Недосуг было: песни пела.

Они засмеялись и говорят:

— Если летом играла, зимой пляши.

Осёл в львиной шкуре

Осёл надел львиную шкуру, и все думали — лев. Побежал народ и скотина. Подул ветер, шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбежался народ: исколотили осла.

Волк и лисица

Волк убегал от собак и хотел спрятаться в водомоину. А в водомоине сидела лисица, она оскалила зубы на волка и сказала:

— Не пущу тебя — это моё место.

Волк не стал спорить, а только сказал:

— Если бы собаки не были так близко, я бы тебе показал, чьё это место, а теперь, видно, твоя правда.

Орёл и лисица

Орёл ухватил у лисицы лисёнка и хотел унесть. Лисица стала просить, чтобы он пожалел её. Орёл не пожалел её. Он подумал: «Что она мне сделает? Гнездо у меня высоко на сосне. Она не достанет до меня». И унёс лисёнка. Лисица побежала в поле, достала у людей головешку с огнём и принесла под сосну. Она хотела зажигать сосну; но орёл стал просить прощенья и принёс ей назад лисёнка.

Курица и ласточка

Курица нашла змеиные яйца и стала их высиживать. Ласточка увидала и говорит:

— То-то, глупая! Ты их выведешь, а как вырастут, они тебя первую обидят.

Галка и голуби

Галка увидела, что голубей хорошо кормят, — выбелилась и влетела в голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой же голубь, и пустили её. Но галка забылась и закричала по-галчьи. Тогда её голуби стали клевать и прогнали. Галка полетела назад к своим, но галки испугались её оттого, что она была белая, и тоже прогнали.

Пастух

У пастуха пропала овца. Пастух искал, искал, нигде не нашёл. Он стал молиться и обещал 10-копеечную свечку поставить, если найдёт воров. На другой день пошёл пастух в лес и набрёл на волков. Они доедали его овцу. Пастух увидал воров. А как волки бросились на него, он стал молиться и обещал поставить рублёвую свечку, только бы ему уйти от них.

Заяц и черепаха

Поспорили заяц с черепахой, кто кого обгонит. Взялись они бежать на версту[5]. Заяц сразу обогнал черепаху, так что её и не видно стало. Он и подумал: «Куда мне торопиться? Дай посижу!» Сел отдохнуть и заснул. А черепаха всё шла да шла с ноги на ногу, и, когда заяц проснулся, черепаха уже приползла к версте.

---

[5] Примечания: 5
Верста — старинная мера длины, немногим более километра.

Камыш и маслина

Маслина и камыш заспорили о том, кто крепче и сильнее. Маслина посмеялась над камышом за то, что он от всякого ветра гнётся. Камыш молчал. Пришла буря: камыш шатался, мотался, до земли сгибался — уцелел. Маслина напружилась сучьями против ветра — и сломилась.

Лисица и козёл

Захотелось козлу напиться: он слез под кручь к колодцу, напился и отяжелел. Стал он выбираться назад и не может. И стал он реветь. Лисица увидала и говорит:

— То-то, бестолковый! Коли бы у тебя сколько в бороде волос, столько бы в голове ума было, то прежде, чем слезать, подумал бы, как назад выбраться.

Заяц

Бежал заяц от собак и ушёл в лес. В лесу ему хорошо было, да уж много он страху набрался и хотел ещё лучше спрятаться. Стал искать, где поглуше место, и полез в чащу в овраге, и наскочил на волка. Волк схватил его. «Видно, правда, — подумал заяц, — что от добра добра искать не надо. Хотел лучше спрятаться и вовсе пропал».

Мужик и собака

Упала собака в колодезь. Мужик стал её вытаскивать, а собака укусила его за руку. Мужик бросил её и говорит:

— Пропадай же ты, если ты меня за то кусаешь, что я тебя спасти хочу.

Лягушка, мышь и ястреб

Лягушка и мышь завели ссору. Вышли на кочку и стали драться. Ястреб видит, что они о нём забыли, спустился и схватил обеих.

Собака с палкой

Стала собака кур ловить. Хозяин навесил ей на шею палку. Собака пошла по дворам показывать свою палку и говорит:

— Смотрите, как меня хозяин любит, от всех других собак отличил.

Собака, петух и лисица

Собака и петух пошли странствовать. Ввечеру петух уснул на дереве, а собака пристроилась у того же дерева, промеж кореньев. Как пришло время, петух запел. Лисица услыхала петуха, прибежала и стала снизу просить, чтобы он сошёл к ней, будто ей хочется оказать почтенье ему за то, что у него голос хорош. Петух сказал:

— Надо прежде разбудить дворника, он спит промеж кореньев. Пусть отопрёт, тогда я сойду.

Лисица стала искать дворника и забрехала. Собака живо вскочила и задушила лисицу.

Собака на сене

Собака лежала под сараем на сене. Корове захотелось сенца, она подошла под сарай, засунула голову и только ухватила клок сена — собака зарычала и бросилась на неё. Корова отошла и сказала:

— Хоть бы сама ела, а то и сама не ест, и мне не даёт.

Мужик и счастье

Мужик пошёл косить луга и заснул, а Счастье ходило по свету. Подошло Счастье к мужику и сказало:

— Вот он вместо работы спит, а потом не сберёт сено за погоду, на меня — на Счастье — скажет. Скажет: «Мне счастья нет».

Волк и коза

Волк видит — коза пасётся на каменной горе, и нельзя ему к ней подобраться; он ей и говорит:

— Пошла бы ты вниз: тут и место поровнее, и трава тебе для корма много слаще.

А коза и говорит:

— Не за тем ты, волк, меня вниз зовёшь, — ты не об моём, а о своём корме хлопочешь.

Муравей и голубка

Муравей спустился к ручью: захотел напиться. Волна захлестнула его и чуть не потопила. Голубка несла ветку; она увидела — муравей тонет, и бросила ему ветку в ручей. Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу; охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела.

Медведь и пчёлы

На осик медведь пришёл.
И стал таскать мёд у пчёл.
Поднялся весь рой пчёл летать,
Стал медведя в нос кусать.
Медведь завыл: «Ой, ой, нос мой!» —
И пустился с осика домой.

Птичка

Сидела птичка на ветке, а внизу было на траве семя. Птичка сказала:

— Дай я поклюю.

Слетела на семя и попала в сеть.

— За что я пропала? — сказала птичка. — Ястребы живых птиц ловят, и всё им ничего, а я за одно семечко погибла.

Павлин и журавль

Поспорил журавль с павлином, кто из них важнее. Павлин говорит:

— Я красивее всех птица, у меня в хвосте все цвета переливаются, а ты серый, дурной.

Журавль и говорит:

— Зато я по поднебесью летаю, а ты по навозному двору ходишь.

Перепел и охотник

Попался перепел в сеть к охотнику и стал просить, чтобы охотник отпустил его.

— Ты только отпусти меня, — говорит, — я тебе послужу. Я тебе других перепелов в сеть заманю.

— Ну, перепел, — сказал охотник, — и так-то не пустил бы тебя, а теперь и подавно. Сверну голову за то, что ты своих выдавать хочешь.

Волк и журавль

Подавился волк костью и не мог выперхнуть. Он подозвал журавля и сказал:

— Ну-ка, журавль, у тебя шея длинная, засунь ты мне в глотку голову и вытащи кость: я тебя награжу.

Журавль засунул голову, вытащил кость и говорит:

— Давай же награду.

Волк заскрипел зубами да и говорит:

— Или тебе мало награды, что я тебе голову не откусил, когда она у меня в зубах была?

Скупой

Один скупой человек собрал кубышку денег, закопал в землю и ходил каждый день тайком смотреть свои деньги. Подсмотрел его работник и ночью выкопал и украл кубышку. Скупой пришёл смотреть кубышку, увидал, что её нет, и начал плакать. Сосед увидал его и говорит:

— О чём ты плачешь? Ведь ты ничего не делал с деньгами. Ходи, смотри на яму, где деньги были, — всё одно будет.

Собака и вор

Подошёл ночью вор ко двору. Собака почуяла его и начала лаять. Вор достал хлеба и кинул собаке. Собака не взяла хлеб, бросилась на вора и стала его кусать за ноги.

— За что ж ты меня кусаешь? Я тебе хлеба даю, — сказал вор.

— А за то кусаю, что пока ты хлеба не давал, я еще не знала, хороший ты или злой человек, а теперь знаю, что ты недобрый человек, если меня подкупить хочешь.

Кошка и баран

Жил-был мужик, и у мужика была кошка и был баран. Когда мужик придёт с работы, кошка бежит к нему, лижет ему руку, на спину ему прыгает, об него трётся. И мужик её гладил и давал хлеба.

Вот баран хотел, чтобы его также ласкали и давали ему хлеба. Мужик пришёл с поля, баран бежит к нему, лижет ему руки, трётся об ноги. Мужику смешно, и он смотрит, что будет ещё. Баран зашёл сзади, поднялся, прыгнул мужику на спину. Свалил мужика с ног.

Мужиков сын видит — баран батюшку свалил, взял кнут, избил барана.

Волк и кобыла

Хотелось волку подобраться к жеребёнку. Он подошёл к табуну и говорит:

— Что это у вас жеребёнок один хромает? Или вы подлечить не умеете? У нас, волков, такое лекарство есть, что никогда хромоты не будет.

Кобыла одна и говорит:

— А ты знаешь лечить?

— Как не знать.

— Так вот полечи мне правую заднюю ногу, что-то в копыте больно.

Волк подошёл к кобыле, и, как зашёл к ней сзади, она ударила его задом и разбила ему все зубы.

Обезьяньи дети

У одной обезьяны были два детёныша. Одного она любила, а другого нет. Погнались раз за обезьяной люди. Она ухватила любимого детёныша и побежала с ним, а нелюбимого бросила. Нелюбимый детёныш залез в чащу леса, люди не приметили его, пробежали мимо. А обезьяна вскочила на дерево, да второпях ударила головой об сук любимого детёныша и убила его. Когда люди ушли, обезьяна пошла искать нелюбимого детёныша, но и его не нашла и осталась одна.

Лев и мышь

Лев спал. Мышь пробежала ему по телу. Он проснулся и поймал её. Мышь стала просить, чтобы он пустил её; она сказала:

— Если ты меня пустишь, и я тебе добро сделаю.

Лев засмеялся, что мышь обещает ему добро сделать, и пустил её.

Потом охотники поймали льва и привязали верёвкой к дереву. Мышь услыхала львиный рёв, прибежала, перегрызла верёвку и сказала:

— Помнишь, ты смеялся, не думал, чтобы я могла тебе добро сделать, а теперь видишь, — бывает и от мыши добро.

Лисица и волк

Увидала лисица, что волк зубы точит. И говорит:

— Что ты это зубы точишь? Драться не с кем.

А волк говорит:

— До тех пор и зубы точить, пока драться не с кем; а придёт время драться, тогда уж некогда точить будет.

Лев, осёл и лисица

Лев, осёл и лисица вышли на добычу. Наловили они много зверей, и лев велел ослу делить. Осёл разделил поровну на три части и говорит:

— Ну, теперь берите!

Лев рассердился, съел осла и велел лисице переделить. Лисица всё собрала в одну кучу, а себе чуточку оставила. Лев посмотрел и говорит:

— Ну, умница! Кто ж тебя научил так хорошо делить?

Она говорит:

— А с ослом-то что было?

Солнце и ветер

Заспорили солнце с ветром, кто прежде человека разденет. Стал ветер сдувать с человека платье. И шапку рвёт и платье распахивает, а человек всё только шапку надвигает да запахивается. Так и не раздел ветер человека. Взялось солнце. Только припекло, распахнулся человек, сдвинул шапку. Ещё припекло солнце, и вовсе разделся человек.

Два петуха и орёл

Дрались два петуха у навозной кучи. У одного петуха было силы больше, он забил другого и прогнал от навозной кучи. Все куры сошлись вкруг петуха и стали хвалить его. Петух хотел, чтобы и на другом дворе узнали про его силу и славу. Он взлетел на сарай, забил крылами и запел громко:

— Смотрите все на меня, я петуха побил! Нет ни у одного петуха на свете такой силы.

Не успел пропеть, летит орёл, сбил петуха, схватил в когти и унёс в своё гнездо.

Конь и кобыла

Кобыла ходила день и ночь в поле, — не пахала, а конь кормился ночью, а днём пахал. Кобыла и говорит коню:

— Зачем ты пашешь? Я бы на твоём месте не пошла. Он бы меня плетью, а я бы его ногою.

На другой день конь так и сделал. Мужик видит, что конь стал упрям, запрёг в соху кобылу.

Старик и смерть

Старик раз нарубил дров и понёс. Нести было далеко; он измучился, сложил вязанку и говорит:

— Эх, хоть бы смерть пришла!

Смерть пришла и говорит:

— Вот и я, чего тебе надо?

Старик испугался и говорит:

— Мне вязанку поднять.

Уж и ёж

Пришёл раз ёж к ужу и сказал:

— Пусти меня, уж, в своё гнездо на время.

Уж пустил. Только как залез ёж в гнездо, не стало житья ужатам от ежа. Уж сказал ежу:

— Я пустил тебя только на время, а теперь уходи, ужата мои все колются о твои иглы, и им больно.

Ёж сказал:

— Тот уходи, кому больно, а мне и тут хорошо.

Кошка и лисица

Разговорились кошка с лисицею, как от собак отделываться. Кошка говорит:

— Я собак не боюсь, потому что у меня от них одна уловка есть.

А лисица говорит:

— Как можно с одной уловкой отделаться от собак? У меня так семьдесят семь уловок и семьдесят семь увёрток есть.

Пока они говорили, наехали охотники и набежали собаки. У кошки одна уловка: она вскочила на дерево, и собаки не поймали её; а лисица начала свои увёртки делать, да не увернулась, собаки поймали её.

Олень и лошадь

Олень забидел рогами лошадь и прогнал её с поля. Лошадь пришла к человеку и стала просить заступы. Человек защитил лошадь, отогнал оленя, но зато загнуздал и оседлал её. Когда олень был отогнан, лошадь и говорит:

— Спасибо тебе, человек, теперь отпусти меня.

Но человек сказал:

— Нет, теперь я узнал, как ты мне нужна будешь.

И не отпустил лошадь.

Обезьяна и лисица

Выбрали раз звери себе обезьяну в начальники. Лисица пришла к обезьяне и говорит:

— Ты теперь у нас начальник, я тебе услужить хочу: я нашла в лесу клад; пойдём, я тебе покажу.

Обезьяна обрадовалась и пошла за лисицей. Лисица привела обезьяну к капкану и говорит:

— Вот здесь, возьми сама, а я до тебя трогать не хотела.

Обезьяна засунула лапы в капкан и попалась. Тогда лисица побежала, призвала всех зверей и показала им обезьяну.

— Посмотрите, — говорит, — какого вы начальника выбрали! Видите, у неё ума нет, она в капкан попала.

Лгун

Мальчик стерёг овец и, будто увидав волка, стал звать:

— Помогите, волк! волк!

Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два и три раза, — случилось — и вправду набежал волк.

Мальчик стал кричать:

— Сюда, сюда скорей, волк!

Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывает, — не послушали его. Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал всё стадо.

Олень и виноградник

Олень спрятался от охотников в виноградник. Когда охотники проминовали его, олень стал объедать виноградные листья.

Охотники приметили, что листья шевелятся, и думают: «Не зверь ли тут, под листьями?» — выстрелили и ранили оленя.

Олень и говорит, умираючи:

— Поделом мне за то, что я хотел съесть листья, те самые, какие спасли меня.

Осёл и лошадь

У одного человека были осёл и лошадь. Шли они по дороге; осёл сказал лошади:

— Мне тяжело, не дотащу я всего, возьми с меня хоть немного.

Лошадь не послушалась. Осёл упал от натуги и умер. Хозяин как наложил всё с осла на лошадь, да ещё и шкуру ослиную, лошадь и взвыла:

— Ох, горе мне, бедной, горюшко мне, несчастной! Не хотела я немножко ему подсобить, теперь вот всё тащу, да ещё и шкуру.

Волк и старуха

Голодный волк разыскивал добычу. На краю деревни он услыхал — в избе плачет мальчик, и старуха говорит:

— Не перестанешь плакать, я тебя волку отдам.

Волк не пошёл дальше и стал дожидаться, когда ему отдадут мальчика. Вот пришла ночь; он всё ждёт и слышит — старуха опять приговаривает:

— Не плачь, дитятко; не отдам тебя волку; только приди волк, убьём его.

Волк и подумал: «Видно, тут говорят одно, а делают другое», — и пошёл прочь от деревни.

Садовник и сыновья

Хотел садовник сыновей приучить к садовому делу. Когда он стал умирать, позвал их и сказал:

— Вот, дети, когда я умру, вы в виноградном саду поищите, что там спрятано.

Дети подумали, что там клад, и когда отец умер, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю в винограднике так хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше. И они стали богаты.

Журавль и аист

Мужик расставил на журавлей сети за то, что они сбивали у него посев. В сети попались журавли, а с журавлями один аист.

Аист и говорит мужику:

— Ты меня отпусти: я не журавль, а аист; мы самые почётные птицы; я у твоего отца на доме живу. И по перу видно, что я не журавль.

Мужик говорит:

— С журавлями поймал, с ними и зарежу.

Павлин

Собрались птицы себе царя выбирать. Распустил павлин свой хвост и стал называться в цари. И все птицы за его красоту выбрали его царём. Сорока и говорит:

— Скажи же ты нам, павлин: когда ты царём будешь, как ты станешь нас от ястреба защищать, когда он за нами погонится?

Павлин не знал, что ответить, и все птицы задумались, хорош ли им будет царь павлин. И не взяли его царём, а взяли орла.

Рыбак и рыбка

Поймал рыбак рыбку. Рыбка и говорит:

— Рыбак, пусти меня в воду; видишь, я мелка: тебе от меня пользы мало будет. А пустишь, да я вырасту, тогда поймаешь — тебе пользы больше будет.

Рыбак и говорит:

— Дурак тот будет, кто станет большой пользы ждать, а малую из рук упустит.

Комар и лев

Комар прилетел ко льву и говорит:

— Ты думаешь, в тебе силы больше моего? Как бы не так! Какая в тебе сила? Что царапаешь когтями и грызёшь зубами, это и бабы так-то с мужиками дерутся. Я сильнее тебя; хочешь, выходи на войну!

И комар затрубил и стал кусать льва в голые щёки и в нос. Лев стал бить себя по лицу лапами и драть когтями; изодрал себе в кровь всё лицо и из сил выбился.

Комар затрубил с радости и улетел. Потом запутался в паутину к пауку, и стал паук его сосать. Комар и говорит:

— Сильного зверя, льва, одолел, а вот от дрянного паука погибаю.

Дикий и ручной осёл

Дикий осёл увидал ручного осла, подошёл к нему и стал хвалить его жизнь: как и телом-то он гладок и какой ему корм сладкий. Потом, как навьючили ручного осла, да как сзади стал погонщик подгонять его дубиной, дикий осёл и говорит:

— Нет, брат, теперь не завидую, — вижу, что твоё житьё тебе соком достаётся.

Собака и волк

Собака заснула за двором. Голодный волк набежал и хотел съесть её. Собака и говорит:

— Волк! Подожди меня есть, — теперь я костлява, худа. А вот, дай срок, хозяева будут свадьбу играть, тогда мне еды будет вволю, я разжирею, — лучше тогда меня съесть.

Волк поверил и ушёл. Вот приходит он в другой раз и видит — собака лежит на крыше. Волк и говорит:

— Что ж, была свадьба?

А собака и говорит:

— Вот что, волк: коли другой раз застанешь меня сонную перед двором, не дожидайся больше свадьбы.

Два товарища

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать было ему нечего — он упал наземь и притворился мёртвым.

Медведь подошёл к нему и стал нюхать: он и дышать перестал. Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мёртвый, и отошёл. Когда медведь ушёл, тот слез с дерева и смеётся.

— Ну что, — говорит, — медведь тебе на ухо говорил?

— А он сказал мне, что плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают.

Пчёлы и трутни

Как пришло лето, стали трутни ссориться с пчёлами, кому мёд есть. Позвали пчёлы на суд осу. Оса и говорит:

— Мне вас рассудить сразу нельзя. Я ещё не знаю, кто из вас мёд делает. А разойдитесь вы в два пустые улья — в один пчёлы, а в другой трутни. Вот через неделю я увижу, кто больше и лучше мёду наделает.

Трутни стали спорить.

— Мы, — говорят, — не согласны. Ты нас сейчас рассуди.

Оса и говорит:

— Теперь я вас сейчас рассужу. Вы, трутни, не согласны оттого, что мёду делать не умеете, а только чужое жрать любите. Гоните их вон, пчёлы.

И пчёлы побили всех трутней.

Лошадь и хозяева

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить Бога, чтобы ей перейти к другому хозяину. Так и сделалось. Садовник продал лошадь горшечнику. Лошадь была рада, но у горшечника ещё больше прежнего стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей к лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечник продал лошадь кожевнику. Вот как увидела лошадь на кожевенном дворе кониные шкуры, она и завыла:

— Ох, горе мне, бедной! Лучше б у прежних хозяев оставаться: теперь уж, видно, не на работу продали меня, а на шкуру.

Воробей

Увидал воробей, что человек идёт лён сеять. Воробей полетел к птицам и сказал:

— Птицы, летите скорее льняное семя клевать. Вырастет лён, станет человек нитки делать, из ниток сети вязать, нас ловить будет.

Птицы не послушались воробья, и он не мог выклевать всего семени. Зацвёл лён, воробей опять стал звать птиц склевать лён, чтобы после от льна птицам беды не было. Птицы не послушались. Поспел лён. Воробей в третий раз сзывал птиц. И в третий раз птицы его не послушались. Тогда воробей рассердился на птиц, улетел от них и стал с людьми у жилья жить.

Ястреб и голуби

Гонялся, гонялся ястреб за голубями, не мог ни одного поймать. Вот он и вздумал их обмануть. Подлетел он к голубятне, сел на дерево и стал им говорить, что хочет им служить.

— Мне, — говорит, — делать нечего, а я вас люблю. Вы вот что сделайте: пустите меня к себе, сделайте своим царём, а я буду вашим слугой. Не только что вас обижать не стану, но и в обиду никому не дам.

Голуби и согласились, пустили к себе ястреба. Когда ястреб залез к ним, он стал другое говорить:

— Я ваш царь, и вы меня должны слушать. Первое дело — мне надо каждый день съедать по одному голубю.

И каждый день задирал голубя. Хватились голуби, стали думать, как быть, да уж поздно.

— Не надо было, — говорят, — его вовсе пускать. А теперь уж не поможешь.

Олень

Олень подошёл к речке напиться, увидал себя в воде и стал радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрел и говорит:

— Только ноги мои плохи и жидки.

Вдруг выскочи лев и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Он уходил, а как пришёл в лес, запутался рогами за сучья, и лев схватил его. Как пришло погибать оленю, он и говорит:

— То-то глупый я! Про кого думал, что плохи и жидки, те спасали, а на кого радовался, от тех пропал.

Лев и лисица

Лев от старости не мог уже ловить зверей и задумал хитростью жить: зашёл он в пещеру, лёг и притворился больным. Стали ходить звери его проведывать, и он съедал тех, которые входили к нему в пещеру. Лисица смекнула дело, стала у входа в пещеру и говорит:

— Что, лев, как можешь?

Лев говорит:

— Плохо. Да ты отчего же не входишь?

А лисица говорит:

— Оттого не вхожу, что по следам вижу — входов много, а выходов нет.

Кот и мыши

Завелось в одном доме много мышей. Кот забрался в этот дом и стал ловить мышей. Увидали мыши, что дело плохо, и говорят:

— Давайте, мыши, не будем больше сходить с потолка, а сюда к нам коту не добраться!

Как перестали мыши сходить вниз, кот и задумал, как бы их перехитрить. Уцепился он одной лапой за потолок, свесился и притворился мёртвым. Одна мышь выглянула на него, да и говорит:

— Нет, брат! Хоть мешком сделайся, и то не подойду.

Хозяин и работник

Собралось много народа на свадьбу. Сосед позвал работника и говорит:

— Поди посмотри, сколько людей там на свадьбе.

Работник пошёл, положил у порога чурбан и сел на завалинку, стал дожидаться, пока народ будет выходить из избы.

Стали расходиться. Кто ни выйдет, спотыкнётся на чурбан, обругается и пойдёт дальше. Только одна старуха вышла, спотыкнулась, вернулась и отвалила чурбан.

Работник вернулся к хозяину. Хозяин и говорит:

— Много там было людей?

Работник говорит:

— Всего один был, и та старуха.

— Отчего так?

— А оттого, что я привалил чурбан к крыльцу, все на него падали, а не отвалили, так и овцы делают, а одна старуха отвалила, чтобы другие не падали. Так только люди делают. Она одна человек.

Летучая мышь

В давнишние времена была сильная война между зверями и птицами. Летучая мышь не пристала ни к тем, ни к другим и всё выжидала, чья возьмёт.

Сначала птицы стали побивать зверей, и тогда летучая мышь пристала к птицам, летала с ними и называла себя птицей, но потом, когда звери стали одолевать, летучая мышь передалась зверям. Она показала им свои зубы, и лапы, и соски и уверяла, что она зверь и зверей любит. Под конец всё-таки птицы победили, и тогда летучая мышь опять передалась птицам, но птицы прогнали её.

И к зверям ей уже пристать нельзя было, и с тех пор летучая мышь живёт по погребам, по дуплам, и летает только сумерками, и не пристаёт ни к зверям, ни к птицам.

Ворон и лисица

Во́рон добыл мяса кусок и сел на дерево. Захотелось лисице мяса, она подошла и говорит:

— Эх, ворон, как посмотрю на тебя, по твоему росту да красоте только бы тебе царём быть! И, верно, был бы царём, если бы у тебя голос был.

Ворон разинул рот и заорал что было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила и говорит:

— Ах, ворон, коли бы ещё у тебя и ум был, быть бы тебе царём.

Лягушки, просящие царя

Лягушки стали ссориться, и некому было их судить. Стали они просить Бога, чтобы им дать царя. И случилось, что над их озером обломился сук и упал в воду.

— Вот нам и царь, — сказали лягушки и разбежались.

Только сук, как ткнулся в грязь, так и лежит. Лягушки осмелились, стали подплывать и подпрыгивать к суку. Сук всё лежит смирно. Лягушки видят — царь смирный, не судит их, стали опять просить царя. И случилось, — цапля летела мимо озера и села на него. Лягушки обрадовались и

говорят:

— Вот это царь настоящий, живой. Этот рассудит.

Только как начала цапля их одну за другой ловить да есть, пожалели они о прежнем смирном царе.

Зайцы и лягушки

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь:

— И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться. Давайте утопимся!

И поскакали зайцы на озеро топиться. Лягушки услыхали зайцев и забултыхались в воду. Один заяц и говорит:

— Стойте, ребята! Подождём топиться; вот лягушачье житьё, видно, ещё хуже нашего: они и нас боятся.

Отец и сыновья

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принесть веник и говорит:

— Сломайте!

Сколько они ни бились, не могли сломать.

Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту. Они легко переломали прутья поодиночке. Отец и говорит:

— Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да все врозь — вас всякий легко погубит.

Лисица

Попалась лиса в капкан, оторвала хвост и ушла. И стала она придумывать, как бы ей свой стыд прикрыть. Созвала она лисиц и стала их уговаривать, чтобы отрубили хвосты.

— Хвост, — говорит, — совсем некстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаем.

Одна лисица и говорит:

— Ох, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая!

Куцая лисица смолчала и ушла.

Волк и ягнёнок

Волк увидал — ягнёнок пьёт у реки. Захотелось волку съесть ягнёнка, и стал он к нему придираться.

— Ты, — говорит, — мне воду мутишь и пить не даёшь.

Ягнёнок говорит:

— Ах, волк, как я могу тебе воду мутить? Ведь я ниже по воде стою, да и то кончиками губ пью.

А волк говорит:

— Ну, так зачем ты прошлым летом моего отца ругал?

Ягнёнок говорит:

— Да я, волк, и не родился ещё прошлым летом.

Волк рассердился и говорит:

— Тебя не переговоришь. Так я натощак, за то и съем тебя.

Путники

Шли по дороге старик и молодой. Видят они: на дороге лежит мешок денег. Молодой поднял и сказал:

— Вот Бог мне находку послал.

А старик сказал:

— Чур, вместе.

Молодой сказал:

— Нет, мы не вместе нашли, я один поднял.

Старик ничего не сказал. Прошли они ещё немного. Вдруг слышат, скачет сзади погоня, кричат:

— Кто мешок денег украл?

Молодой струсил и сказал:

— Как бы нам, дядюшка, за нашу находку беды не было.

Старик сказал:

— Находка твоя, а не наша, и беда твоя, а не наша.

Малого схватили и повели в город судить, а старик пошёл домой.

Бык и лягушка

Бык подошёл к озеру, и попал на лягушат, и одного раздавил, остальные поскакали в воду. Один лягушонок вернулся к матери и говорит:

— Ну, матушка, такого я зверя видел — страх большой.

— А что, больше меня? — спросила мать.

— Много больше.

Старая лягушка надулась и говорит:

— Что, и теперь больше меня?

— Больше.

Она ещё надулась.

— И теперь больше?

— Больше. Хоть лопни, с быка не надуешься.

Старая лягушка надулась из всех сил и лопнула.

Волк и белка

Белка прыгала с ветки на ветку и упала прямо на сонного волка. Волк вскочил и хотел её съесть. Белка стала просить:

— Пусти меня.

Волк сказал:

— Хорошо, я пущу тебя, только ты скажи мне, отчего вы, белки, так веселы? Мне всегда скучно, а на вас смотришь, вы там вверху всё играете и прыгаете.

Белка сказала:

— Пусти меня прежде на дерево, я оттуда тебе скажу, а то я боюсь тебя.

Волк пустил, а белка ушла на дерево и оттуда сказала:

— Тебе оттого скучно, что ты зол. Тебе злость сердце жжёт. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не делаем.

Купец и воры

Зашли два человека в лавку к купцу покупать платки. Купец отвернулся за товаром, взглянул на прилавок и видит — одного платка нет. Купец остановил этих двух людей и говорит:

— Кто-нибудь из вас взял платок.

Один человек стал божиться, что у него платка нет, а второй стал божиться, что он не брал платка. Тогда купец сказал:

— Ну так вы оба воры.

Он догадался, что один взял и передал другому платок, и обыскал того вора, который божился, что не брал платка, и нашёл на нём платок и свёл обоих воров к начальнику.

Кот с бубенцом

Стало мышам плохо жить от кота. Что ни день, то двух, трёх заест. Сошлись раз мыши и стали судить, как бы им от кота спастись. Судили, судили — ничего не могли вздумать.

Вот одна мышка и сказала:

— Я вам скажу, как нам от кота спастись. Ведь мы потому и гибнем, что не знаем, когда он к нам идёт. Надо коту на шею звонок надеть, чтобы он гремел. Тогда всякий раз, как он будет от нас близко, нам слышно станет, и мы уйдём.

— Это бы хорошо, — сказала старая мышь, — да надо кому-нибудь звонок на кота надеть. Вздумала ты хорошо, а вот навяжи-ка звонок коту на шею, тогда мы тебе спасибо скажем.

Две лягушки

Высохли от жару пруды и болота. Две лягушки пошли искать воды. Вспрыгнули они на край колодца и сидят, думают, прыгать ли вниз в воду или не прыгать. Вот одна молодая лягушка и говорит:

— Надо прыгать, воды много, и там уже никто нас не потревожит.

А другая говорит:

— Нет, воды, пожалуй, много, да если пересохнет в колодце вода, оттуда уже не выскочишь.

Орёл, ворона и пастух

Ходили овцы по полю. Откуда ни взялся орёл, — упал с неба, вцепился когтями в ягнёнка и унёс его. Ворона видела это и хотела тоже мяса поесть. Она сказала:

— Это не хитра штука. Дай я то же сделаю, да ещё лучше. Орёл глуп, он малого ягнёнка взял, а я вон того жирного барана выберу.

Взялась барану ворона когтями прямо в волну[6], хотела поднять — не может. И не знает ворона, как самой из волны когти выдрать. Пастух пришёл, выдрал вороне ноги из волны, убил её и бросил.

---

[6] Примечания: 6
Во́лна — овечья шерсть.

Волчица и свинья

Одна волчица попросилась к свинье переночевать. Свинья пустила. Волчица ощенила волчат. Свинья попросилась на своё место.

— Сама видишь — волчата маленькие, погоди немного, — сказала волчица.

Свинья думает: «Подожду…»

Прошло лето, свинья стала проситься. Волчица говорит:

— Только тронь нас. Нас шестеро, мы разорвём тебя.

Лисица и волк

Заели лисицу блохи. Она и вздумала, как блох извести. Пришла к реке и стала с кончика спускать свой хвост в реку. Блохи с хвоста прыгали ей на спину. Она стала и задние ноги спускать в воду. Блохи прыгали ей всё выше на спину, на шею и на голову. Она ещё глубже ушла в воду, так, что только одна голова была видна. Блохи все сошлись у ней на мордочке. Тогда лисица нырнула в воду. Блохи скочили на берег, а лисица вышла из воды в другом месте. Волк видел это и хотел сделать лучше. Волк сразу прыгнул в реку, нырнул глубоко и долго сидел под водой; он думал, что блохи все на нём помрут. Вышел из воды, а блохи все на нём ожили и стали его кусать.

Мышь полевая и мышь городская

Пришла важная мышь из города к простой мыши. Простая мышь жила в поле и дала своей гостье, что было, гороха и пшеницы. Важная мышь погрызла и сказала:

— Оттого ты и худа, что житьё твоё бедное, приходи ко мне, посмотри, как мы живём.

Вот пришла простая мышь в гости. Дождались под полом ночи. Люди поели и ушли. Важная мышь ввела из щели свою гостью в горницу, и обе влезли на стол. Простая мышь никогда не видала такой еды и не знала, за что взяться. Она сказала:

— Твоя правда, наше житьё плохое. Я перейду также в город жить.

Только она сказала это, затрясся стол, и в двери вошёл человек со свечкой и стал ловить мышей. Насилу они ушли в щёлку.

— Нет, — говорит полевая мышь, — моё житьё в поле лучше. Хоть у меня сладкой еды и нет, да зато я и страха такого не знаю.

Мужик и водяной

Мужик уронил топор в реку; с горя сел на берег и стал плакать.

Водяной услыхал, пожалел мужика, вынес ему из реки золотой топор и говорит:

— Твой это топор?

Мужик говорит:

— Нет, не мой.

Водяной вынес ему другой, серебряный топор. Мужик опять говорит:

— Не мой топор.

Тогда водяной вынес настоящий топор. Мужик говорит:

— Вот это мой топор.

Водяной подарил мужику все три топора за его правду.

Дома мужик показал товарищам топоры и рассказал, что с ним было.

Вот один мужик задумал то же сделать: пошёл к реке, нарочно бросил свой топор в воду, сел на берег и заплакал.

Водяной вынес золотой топор и спросил:

— Твой это топор?

Мужик обрадовался и закричал:

— Мой, мой!

Водяной не дал ему золотого топора и его собственного назад не отдал — за его неправду.

Море, реки и ручьи

Спорил один мужик с другим, что много выпить может. Он сказал:

— Я всё море выпью.

— А не можешь.

— Выпью! Об заклад! Бьюсь об заклад на тысячу рублей, что всё море выпью.

Наутро пришли к мужику:

— Что ж, иди море пить или давай тысячу рублей!

А он сказал:

— Я брался море выпить и выпью море. Но я рек всех не брался пить. Прудите реки и ручьи, чтоб вода в море не текла, тогда я море выпью.

Тетерев и лисица

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

— Здравствуй, тетеревочек мой дружочек, как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать.

— Спасибо на добром слове, — сказал тетерев.

Лисица притворилась, что не расслышит, и говорит:

— Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек мой дружочек, сошёл на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.

Тетерев сказал:

— Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле.

— Или ты меня боишься? — сказала лисица.

— Не тебя, так других зверей боюсь, — сказал тетерев. — Всякие звери бывают.

— Нет, тетеревочек мой дружочек, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают.

— Вот это хорошо, — сказал тетерев, — а то вот собаки бегут, кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Лисица услыхала про собак, навострила уши и хотела бежать.

— Куда же ты? — сказал тетерев. — Ведь нынче указ, собаки не тронут.

— А кто их знает! — сказала лисица. — Может, они указа не слыхали.

И убежала.

Мышь, петух и кот

Мышка вышла гулять. Ходила по двору и пришла опять к матери.

— Ну, матушка, я двух зверей видела. Один страшный, а другой добрый.

Мать сказала:

— Скажи, какие это звери?

Мышка сказала:

— Один страшный, ходит по двору вот этак: ноги у него чёрные, хохол красный, глаза навыкате, а нос крючком. Когда я мимо шла, он открыл пасть, ногу поднял и стал кричать так громко, что я от страха не знала, куда уйти.

— Это петух, — сказала старая мышь. — Он зла никому не делает, его не бойся. Ну, а другой зверь?

— Другой лежал на солнышке и грелся. Шейка у него белая, ножки серые, гладкие, сам лижет свою белую грудку и хвостиком чуть движет, на меня глядит.

Старая мышь сказала:

— Дура ты, дура. Ведь это сам кот.

Волк и собака

Худой волк ходил подле деревни и встретил жирную собаку. Волк спросил у собаки:

— Скажи, собака, откуда вы корм берёте?

Собака сказала:

— Люди нам дают.

— Верно, вы трудную людям службу служите.

Собака сказала:

— Нет, наша служба не трудная. Дело наше — по ночам двор стеречь.

— Так только за это вас так кормят, — сказал волк. — Это я бы сейчас в вашу службу пошёл, а то нам, волкам, трудно корма достать.

— Что ж, иди, — сказала собака. — Хозяин и тебя также кормить станет.

Волк был рад и пошёл с собакой к людям служить. Стал уже волк в ворота входить, видит он, что у собаки на шее шерсть стёрта. Он сказал:

— А это у тебя, собака, от чего?

— Да так, — сказала собака.

— Да что так?

— Да так, от цепи. Днём ведь я на цепи сижу, так вот цепью и стёрло немного шерсть на шее.

— Ну, так прощай, собака, — сказал волк. — Не

пойду к людям жить. Пускай не так жирен буду, да на воле.

Лев, волк и лисица

Старый больной лев лежал в пещере. Приходили все звери проведывать царя, только лисица не бывала. Вот волк обрадовался случаю и стал пред львом оговаривать лисицу.

— Она, — говорит, — тебя ни во что считает, ни разу не зашла царя проведать.

На эти слова и прибеги лисица. Она услыхала, что волк говорит, и думает: «Погоди ж, волк, я тебе вымещу».

Вот лев зарычал на лисицу, а она и говорит:

— Не вели казнить, вели слово вымолвить. Я оттого не бывала, что недосуг было. А недосуг было оттого, что по всему свету бегала, у лекарей для тебя лекарства спрашивала. Только теперь нашла, вот и прибежала.

Лев и говорит:

— Какое лекарство?

— А вот какое: если живого волка обдерёшь да шкуру его тёпленькую наденешь...

Как растянул лев волка, лисица засмеялась и говорит:

— Так-то, брат; господ не на зло, а на добро наводить надо.

Перепёлка и её дети

Вывела перепёлка в овсе перепелят и всё боялась, как бы не стал хозяин косить овёс. Вот она полетела за кормом и велела перепелятам слушать и сказывать ей, что будут говорить люди. Прилетела она вечером, перепелята говорят:

— Плохо, матушка, приходил хозяин с сыном, говорил: «Поспел мой овёс, пора косить.

Сходи, — говорит сыну, — к соседям, к приятелям, скажи, что я прошу, пусть придут косить овёс». Плохо, матушка, переведи нас, а то завтра рано придут соседи косить.

Старая перепёлка выслушала и говорит:

— Ничего, детки, не скоро ещё скосят овёс, сидите без опаски.

И опять наране улетела и велела слушать, что

будет говорить хозяин. Прилетела старая перепёлка, перепелята ей говорят:

— Ну, матушка, опять приходил хозяин, всё ждал приятелей и соседей, никто не пришёл. Он и говорит сыну: «Сходи же ты к братьям, к зятьям, кумовьям, скажи, что велел просить батюшка завтра непременно овёс косить».

— Не робейте, детки, завтра тоже не скосят, — сказала старая перепёлка.

Прилетела опять перепёлка, спрашивает:

— Ну, что?

— Да приходил опять хозяин с сыном, всё дожидался родных. Родные не пришли. Он и говорит сыну: «Ну, видно, сынок, по́мочи ждать нечего. Овёс поспел. Налаживай-ка крюки, завтра на зорьке придём сами косить».

— Ну, детки, — сказала перепёлка, — коли сам человек взялся за дело, а не от людей ждёт, так сделает. Надо убираться.

Сказки

Царские братья

Один царь шёл по улице. Нищий подошёл к нему и стал просить милостыню.

Царь не дал ничего. Нищий сказал:

— Царь, ты, видно, забыл, что Бог всем один отец; мы все братья, и нам всем делиться надо.

Тогда царь остановился и сказал:

— Ты правду говоришь, мы братья, и нам делиться надо, — и дал нищему золотую деньгу.

Нищий взял золотую деньгу и сказал:

— Ты мало дал; разве так делятся с братьями? Надо делить поровну. У тебя миллион денег, а ты мне дал одну.

Тогда царь сказал:

— То правда, что у меня миллион денег, а я тебе дал одну; но у меня и братьев столько же, сколько денег.

Судома

В Псковской губернии, в Пороховском уезде, есть речка Судома, и на берегах этой речки есть две горы, друг против дружки.

На одной горе был прежде городок Вышгород, на другой горе в прежние времена судились славяне. Старики рассказывают, что на этой горе в старину с неба висела цепь и что кто был прав, тот до цепи доставал рукой, а кто был виноват, тот не мог достать. Один человек занял у другого деньги и отпёрся. Привели их обоих на гору Судому и велели доставать до цепи. Тот, кто давал деньги, поднял руку и сразу достал. Пришёл черёд виноватому доставать. Он не отпирался, а только отдал свой костыль подержать тому, с кем судился, чтобы ловчее было руками достать до цепи; протянул руки и достал. Тогда народ удивился: как, оба правы? А у виноватого костыль был пустой, и в костыле были запрятаны те самые деньги, в каких он отпирался.

Когда он отдал в руки костыль с деньгами подержать тому, кому он должен был, он с костылём отдал и деньги, и потому достал цепь.

Так он обманул всех. Но с тех пор цепь под-

нялась на небо и больше не спускалась. Так рассказывают старики.

Визирь Абдул

Был у персидского царя правдивый визирь Абдул. Поехал он раз к царю через город. А в городе собрался народ бунтовать. Как только увидали визиря, обступили его, остановили лошадь и стали грозить ему, что они его убьют, если он поихнему не сделает. Один человек так осмелился, что взял его за бороду и подёргал ему бороду.

Когда они отпустили визиря, он приехал к царю и упросил его помочь народу и не наказывать за то, что они его так обидели.

На другое утро пришёл к визирю лавочник.

Визирь спросил, что ему надо.

Лавочник говорит:

— Я пришёл выдать тебе того самого человека, который тебя обидел вчера. Я его знаю — это мой сосед, его звать Нагим; пошли за ним и накажи его!

Визирь отпустил лавочника и послал за Нагимом. Нагим догадался, что его выдали, пришёл ни жив ни мёртв к визирю и упал в ноги.

Визирь поднял его и сказал:

— Я не за тем призвал тебя, чтобы наказывать, а только за тем, чтобы сказать тебе, что у тебя сосед нехорош. Он тебя выдал, берегись его. Ступай с Богом.

Царь и рубашка

Один царь был болен и сказал:

— Половину царства отдам тому, кто меня вылечит.

Тогда собрались все мудрецы и стали судить, как царя вылечить. Никто не знал. Один только мудрец сказал, что царя можно вылечить.

Он сказал:

— Если найти счастливого человека, снять с него рубашку и надеть на царя — царь выздоровеет.

Царь и послал искать по своему царству счастливого человека; но послы царя долго ездили по всему царству и не могли найти счастливого человека.

Не было ни одного такого, чтобы всем был доволен. Кто богат, да хворает; кто здоров, да беден; кто и здоров и богат, да жена нехороша, а у кого дети нехороши, все на что-нибудь да жалуются.

Один раз идёт поздно вечером царский сын мимо избушки, и слышно ему — кто-то говорит:

— Вот слава Богу, наработался, наелся и спать лягу; чего мне ещё нужно?

Царский сын обрадовался, велел снять с этого

человека рубашку, а ему дать за это денег, сколько он захочет, а рубашку отнести к царю.

Посланные пришли к счастливому человеку и хотели с него снять рубашку; но счастливый был так беден, что на нём не было и рубашки.

Царское новое платье

Один царь был охотник до хороших платьев. Он ни о чём больше не думал, только как бы ему получше нарядиться.

Пришли к нему один раз два портные мастера и говорят:

— Мы можем сшить такое нарядное платье, какого ещё никогда ни у кого не было. Только, если кто глуп и к своей должности не годится, тот платья нашего не может видеть. Кто умён, тот будет видеть, а кто глуп, тот рядом будет стоять и не будет видеть платья нашей работы.

Царь обрадовался портным и велел им сшить на себя платье.

Портным отвели во дворце горницу и дали им бархату, шёлку, золота — всего, что нужно было для платья.

Когда прошла неделя, царь послал своего министра узнать, готово ли новое платье.

Министр пришёл и спросил, портные сказали, что готово, и показали министру пустое место. Министр знал, что если кто глуп и к своей должности не годится, то тот не может видеть платья, и он притворился, что видит платье, и похвалил.

Царь велел себе принести платье.

Ему принесли и показали пустое место. Царь тоже притворился, что он видит новое платье,

снял своё старое платье и велел надеть на себя новое.

Когда царь пошёл в новом платье гулять по городу, все видели, что на царе нет никакого платья; но все боялись сказать, что они не видят платья, потому что слышали, что только глупый не может видеть нового платья.

И каждый думал только про себя, что он не видит, а думал, что другие все видят.

Так царь гулял по городу, и все хвалили новое платье.

Вдруг один дурачок увидал царя и закричал:

— Смотрите: царь по улицам ходит раздевшись!

И царю стало стыдно, что он не одет и увидали, что на царе ничего не было.

Корова и козёл

У старухи были корова и козёл. Корова и козёл вместе ходили в стадо. Корова всё ворочалась, когда её доили. Старуха вынесла хлеба с солью, дала корове и приговаривала:

— Да стой же, матушка, на, на, ещё вынесу, только стой смирно.

На другой день козёл вперёд коровы вернулся с поля, расставил ноги и стал перед старухой. Старуха замахнулась на него полотенцем, но козёл стоял, не шевелился. Он помнил, что старуха обещала хлеба корове, чтобы стояла смирно. Старуха видит, что козёл не пронимается, взяла палку и прибила его.

Когда козёл отошёл, старуха опять стала кормить корову хлебом и уговаривать её.

«Нет в людях правды! — подумал козёл. — Я смирнее её стоял, а меня прибили».

Он отошёл к сторонке, разбежался, ударил в подойник, разлил молоко и зашиб старуху.

Как мужик гусей делил

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понёс. Барин принял гуся и говорит мужику:

— Спасибо, мужик, тебе за гуся; только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына да две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

— Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину:

— Ты всему дому голова — тебе голову.

Потом отрезал задок, подаёт барыне.

— Тебе, — говорит, — дома сидеть, за домом смотреть, — тебе задок.

Потом отрезал лапки и подаёт сыновьям.

— Вам, — говорит, — ножки — топтать отцовские дорожки.

А дочерям дал крылья.

— Вы, — говорит, — скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму!

И взял себе всего гуся!

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся наградил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понёс к барину.

Барин говорит:

— Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочки — всех шестеро. Как бы нам поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал. Послал барин за бедным мужиком и велел делить. Бедный мужик взял одного гуся — дал барину с барыней и говорит:

— Вот вас трое с гусем.

Одного дал сыновьям.

— И вас, — говорит, — трое.

Одного дал дочерям.

— И вас трое.

А себе взял двух гусей.

— Вот, — говорит, — и нас трое с гусями — всё поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику ещё денег и хлеба, а богатого прогнал.

Девочка и разбойники

Одна девочка стерегла в поле корову. Пришли разбойники и увезли девочку. Разбойники привезли девочку в лес в дом и велели ей стряпать, убирать и шить. Девочка жила у разбойников, работала на них и не знала, как уйти. Когда разбойники уходили, они запирали девочку. Раз ушли все разбойники и оставили девочку одну. Она принесла соломы, сделала из соломы куклу, надела на неё свои платья и посадила у окна. А сама вымазалась мёдом, вывалялась в перьях и стала похожа на страшную птицу. Она выскочила в окно и побежала. Только что она вышла на дорогу, видит — навстречу ей идут разбойники. Разбойники не узнали её и спросили:

— Чучело, что наша девочка делает?

А девочка и говорит:

— Она моет, готовит и шьёт, у окна разбойничков ждёт.

И сама ещё скорее побежала. Разбойники пришли домой и видят — у окна кто-то сидит. Они поклонились и говорят:

— Здравствуй, наша девочка, отопри нам, — и видят, что девочка не кланяется и молчит.

Они стали бранить куклу, а она всё не двигается и молчит. Тогда они сломали дверь и хотели убить девочку — и тут увидали, что это не девочка, а соломенная кукла. Разбойники её бросили и говорят:

— Обманула нас девочка!

А девочка пришла к реке, обмылась и пришла домой.

Три медведя

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику.

Дверь была отворена; она посмотрела в дверь, видит — в домике никого нет, и вошла. В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иваныч. Он был большой и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше, и звали её Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка. Медведей не было дома, они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна столовая, другая спальня. Девочка вошла в столовую и увидела на столе три чашки с похлёбкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Иваныча; вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина; третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки; потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки; и Мишуткина похлёбка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит — у стола три стула: один большой — Михайлы Иванычев; другой поменьше — Настасьи Петровнин, а третий маленький, с синенькой подушечкой, — Мишуткин. Она полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул, на нём было неловко; потом села на маленький стульчик и засмеялась: так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на

колена и стала есть. Поела всю похлёбку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и пошла в другую горницу. Там стояли три кровати: одна большая — Михайлы Иванычева, другая средняя — Настасьи Петровнина, третья маленькая — Мишенькина. Девочка легла в большую — ей было слишком просторно; легла в среднюю — было слишком высоко; легла в маленькую — кроватка пришлась ей как раз впору, и она заснула.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать. Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом:

— Кто хлебал в моей чашке?

Настасья Петровна посмотрела свою чашку и зарычала не так громко:

— Кто хлебал в моей чашке?

А Мишутка увидал свою пустую чашечку и

запищал тонким голосом:

— Кто хлебал в моей чашке и всё выхлебал? Михайло Иваныч взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

— Кто сидел на моём стуле и сдвинул его с места?

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко:

— Кто сидел на моём стуле и сдвинул его с места?

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал:

— Кто сидел на моём стуле и сломал его?

Медведи пришли в другую горницу.

— Кто ложился в мою постель и смял её? — заревел Михайло Иваныч страшным голосом.

— Кто ложился в мою постель и смял её? — зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кроватку и запищал тонким голосом:

— Кто ложился в мою постель?

И вдруг он увидал девочку и завизжал так, как будто его режут:

— Вот она! Держи! Держи! Вот она! Вот она! Ай-я-яй! Держи!

Он хотел её укусить. Девочка открыла глаза,

увидела медведей и бросилась к окну. Окно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали её.

Ореховая ветка

Жил богатый купец, и было у него три дочери. Собрался он ехать за товаром и спросил у дочерей: что им привезть? Старшая попросила бусы. Вторая попросила колечко, а меньшая говорит:

— Мне ничего не нужно. Если вспомнишь про меня, то привези ореховую ветку.

Купец уехал, сделал свои дела и купил старшей дочери бусы, второй — колечко. Едет он уже назад через большой лес и вспомнил, что меньшая ничего не просила, только ореховую ветку, и слез с повозки, и пошёл сорвать ореховую ветку. Вдруг видит — ореховая ветка и не простая, а на ней золотые орехи. Купец и думает: «Вот и моей меньшой умнице подарок», — нагнул ветку и сломил.

Вдруг, откуда ни взялся, медведь; схватил купца за руку и говорит:

— Ты как смел мою ветку ломать? Теперь я тебя съем.

Купец испугался и говорит:

— Я бы не взял ветки, да меньшая дочь просила меня.

Медведь и говорит:

— Иди же домой, но помни: тот, кто тебя дома первый встретит, того ты мне отдай.

Купец обещался, и медведь отпустил его. Купец поехал дальше и приехал домой.

Только въехал во двор, бежит навстречу его любимая — меньшая дочь. Купец вспомнил, что он обещался медведю того, кто его первый встретит,

и так и обмер.

Рассказал купец всё, что с ним было и что надо меньшую дочь медведю отдать. Стали все плакать. А мать говорит:

— Не плачьте, я знаю, что сделать. Когда медведь придёт за нашей дочкой, мы нарядим пастухову дочь и отдадим её вместо своей.

Раз сидят все дома и видят, что едет на дворе карета. Стали смотреть. Видят — из кареты вышел медведь. Вошёл медведь к купцу и говорит:

— Давай дочь!

Купец не знает, что сказать. А мать догадалась: снарядила пастухову дочь и привела медведю. Медведь посадил её в карету и поехал. Только отъехали, медведь зарычал и хотел съесть пастухову дочь. Тогда она призналась, что она пастухова, а не купцова дочь.

Медведь вернулся к купцу и говорит:

— Ты меня обманул, давай настоящую дочь. Поплакали, одели дочь, простились с нею и отдали медведю. Медведь посадил её в карету и поехал. Ехали они, ехали; приехали в большой лес и остановились. Медведь вылез из кареты и сказал:

— Вот наш дом, иди за мной.

Медведь влез в яму, девочка вошла за ним.

Потом отворил медведь большую дверь и ввёл

девочку в тёмный подвал и говорит:

— Иди за мной.

Девочка дрожала от страха и думала, что её конец пришёл; а всё-таки шла за медведем. Вдруг затрещало что-то, как гром, стало светло, и девочка видит, что она не в подвале, а в богатом дворце: светло, музыка играет и нарядные люди её встречают и ей кланяются, а рядом с ней молодой князь. Князь подошёл к ней и сказал:

— Я не медведь, а князь и хочу на тебе жениться.

Тогда послали за отцом и матерью, позвали гостей и сыграли свадьбу. Жили они счастливо и всегда берегли ореховую ветку.

Липунюшка

Жил старик со старухою. У них не было детей. Старик поехал в поле пахать. А старуха осталась дома блины печь. Старуха напекла блинов и говорит:

— Если бы был у нас сын, он бы отцу блинов отнёс; а теперь с кем я пошлю?

Вдруг из хлопка[7] вылез маленький сыночек и говорит:

— Здравствуй, матушка!

А старуха и говорит:

— Откуда ты, сыночек, взялся и как тебя звать?

А сыночек и говорит:

— Ты, матушка, отпряла хлопочек и положила в столбочек, я там и вывелся. А звать меня Липунюшкой. Дай, матушка, я отнесу блинов батюшке.

Старуха и говорит:

— Ты донесёшь ли, Липунюшка?

— Донесу, матушка…

Старуха завязала блины в узелок и дала сыночку. Липунюшка взял узел и побежал в поле.

---

[7] Примечания: 7

Хлопок — здесь: пакля, очёсы льна.

В поле попалась ему на дороге кочка; он и кричит:

— Батюшка, батюшка, пересади меня через кочку! Я тебе блинов принёс.

Старик услыхал с поля — кто-то его зовёт, пошёл к сыну навстречу, пересадил его через кочку и говорит:

— Откуда ты, сынок?

А мальчик говорит:

— Я, батюшка, в хлопочке вывелся, — и подал отцу блинов.

Старик сел завтракать, а мальчик говорит:

— Дай, батюшка, я буду пахать.

А старик говорит:

— У тебя силы недостанет пахать.

А Липунюшка взялся за соху и стал пахать. Сам пашет и сам песни поёт.

Ехал мимо этого поля барин и увидал, что старик сидит завтракает, а лошадь одна пашет. Барин вышел из кареты и говорит старику:

— Как это у тебя, старик, лошадь одна пашет?

А старик говорит:

— У меня там мальчик пашет, он и песни поёт.

Барин подошёл ближе, услыхал песни и увидал Липунюшку.

Барин и говорит:

— Старик, продай мне мальчика.

А старик говорит:

— Нет, мне нельзя продать, у меня один только и есть.

А Липунюшка говорит старику:

— Продай, батюшка, я убегу от него.

Мужик и продал мальчика за сто рублей.

Барин отдал деньги, взял мальчика, завернул его в платочек и положил в карман. Барин приехал домой и говорит жене:

— Я тебе радость привёз.

А жена говорит:

— Покажи, что такое?

Барин достал платочек из кармана, развернул его, а в платочке ничего нету: Липунюшка уж давно к отцу убежал.

Мальчик с пальчик

У одного бедного человека было семеро детей мал мала меньше. Самый меньшой был так мал, что, когда он родился, он был не больше пальца. Потом он подрос немножко, но всё-таки был немного больше пальца, и оттого его звали: *мальчик с пальчик.* Но мальчик с пальчик, даром что был мал, был очень ловок и хитёр.

Отец с матерью всё становились беднее и беднее, и пришло им под конец так плохо, что нечем стало и детей кормить. Подумали, подумали отец с матерью и положили отвести детей в лес подальше и оставить их там, так чтобы они домой не вернулись. Когда отец с матерью говорили про это, мальчик с пальчик не спал и всё слышал. Наутро мальчик с пальчик прежде всех проснулся и побежал на ручей и набрал полны карманы белых камушков. Когда отец с матерью повели детей в лес, мальчик с пальчик шёл сзади всех и всё брал по одному камушку из кармана и кидал на дорогу.

Когда отец с матерью завели детей далеко в лес, они зашли за деревья и убежали. Дети стали звать их, и, когда увидали, что никто нейдёт,

стали плакать.

Только один мальчик с пальчик не плакал. Он кричал своим тоненьким голосом:

— Перестаньте плакать, я вас выведу из лесу, — но братья так громко плакали, что не слышали его.

Когда они услышали его, он рассказал им, что он накидал на дороге белых камушков и выведет их из леса; они обрадовались и пошли за ним. Мальчик с пальчик шёл с камушка на камушек и так довёл их до дома.

Случилось так, что в тот самый день, как отец с матерью отвели детей в лес, отец получил деньги. Отец с матерью и говорят:

— Зачем мы отвели детей в лес? Они пропадут там. А теперь у нас деньги есть, и мы можем прокормить детей.

Мать стала плакать и говорит:

— Ах! если бы только дети с нами были!

А мальчик с пальчик услыхал из-под окошка и говорит:

— А мы вот они!

Мать обрадовалась, побежала на крыльцо, и все дети один за другим вошли в горницу.

Купили всё, что надо, и стали жить по-прежнему; и жили хорошо до тех пор, пока деньги не

вышли.

Но деньги опять все вышли, опять стали отец с матерью судить, как им быть, и опять положили свести детей в лес и оставить их там.

Мальчик с пальчик опять услыхал и, как пришло утро, хотел идти потихоньку в ручей за камушками. Только подошёл он к двери, хотел отворить, но дверь была заперта на задвижку; хотел отодвинуть, да, как ни бился, не мог достать до задвижки.

Камушков нельзя было ему набрать, он и взял хлеба. Наложил в карманы и думает: «Как они нас поведут, я накидаю крошки хлеба по дороге и по ним опять выведу братьев».

Отец с матерью опять свели детей в лес и их там бросили, и опять мальчик с пальчик кидал по дороге крошки хлеба.

Когда старшие братья стали плакать, мальчик с пальчик опять обещал их вывести.

Но только в этот раз он не нашёл дороги, потому что птицы поклевали все крошки хлеба.

Дети ходили, ходили по лесу и не нашли дороги до самой ночи. Плакали, плакали и все заснули. Мальчик с пальчик проснулся раньше всех и влез на дерево, осмотрел кругом и увидел избушку. Он слез с дерева, разбудил братьев и повёл их к

избушке.

Они постучались, и вышла к ним на крыльцо старушка и спросила, чего им надо. Они сказали, что заблудились в лесу. Тогда старушка пустила их в дом и сказала:

— Жалко мне вас за то, что вы к нам зашли. Мужик мой людоед. И если он вас увидит, он съест вас. Мне вас жалко. Спрячьтесь сюда под кровать, а завтра я вас выпущу.

Дети испугались и залезли под кровать. Вдруг слышат они, кто-то постучался в дверь и вошёл в горницу. Мальчик с пальчик выглянул из-под кровати и видит — страшный людоед сел за стол и крикнул на старушку:

— Давай вина!

Старушка подала вина, он выпил, стал нюхать.

— А что у нас людским духом пахнет! Кто-нибудь у тебя спрятан?

Старушка стала говорить, что никого нет, но людоед стал нюхать всё ближе и ближе и добрался чутьём до кровати. Стал шарить под кроватью руками, поймал за ножку мальчика с пальчика и закричал:

— А, вот они!

И он вытащил их всех и стал радоваться.

Потом взял нож и хотел их резать, но жена

уговорила его. Она сказала:

— Видишь, какие они худые и плохие. Дай мы их покормим немножко, они свежей и вкусней будут.

Людоед послушался, велел их накормить и положить спать вместе с своими девочками.

А у людоеда было семь девочек, такие же маленькие, как мальчиковы братья. Девочки все лежали и спали на одной кровати, и у каждой девочки на голове была золотая шапочка. Мальчик с пальчик приметил это, и, когда людоед с женой ушли, он потихоньку снял шапочки с людоедовых дочерей и надел их на себя и на братьев, а свою и братнины шапочки надел на девочек.

Людоед всю ночь пил вино. И когда он много выпил, ему захотелось опять есть. Он встал и пошёл в ту горницу, где спали мальчик с пальчик с братьями и семь девочек. Он подошёл к мальчикам, ощупал на них золотые шапочки и говорит:

— Вот спьяну чуть своих дочерей не порезал.

Оставил мальчиков и пошёл к дочерям, ощупал на них мягкие шапочки и всех перерезал и заснул.

Тогда мальчик с пальчик поднял братьев, отворил дверь и побежал с ними в лес.

Дети ходили всю ночь и весь день и всё не могли выйти из леса.

А людоед, когда проснулся поутру и увидал, что он вместо чужих перерезал своих детей, надел свои семивёрстные сапоги и побежал в лес искать детей.

А семивёрстные сапоги были такие, что кто их наденет, тот каждый шаг в семь вёрст ступает.

Людоед искал, искал детей; не нашёл и подле самых их присел отдохнуть и заснул.

Мальчик с пальчик увидал, что людоед спит, подкрался к нему и вынул у него из кармана горсть золота, роздал братьям. Потом он потихоньку разул его. Когда он разул его, он надел сам семивёрстные сапоги, велел братьям крепче

взяться рука с рукой и держаться за него. И он побежал так скоро, что сейчас же вышел из леса и нашёл дом.

И когда они вернулись, то отдали отцу с матерью золото. Они стали богаты и больше уже не отсылали их.

Два брата

Два брата пошли вместе путешествовать. В полдень они легли отдохнуть в лесу. Когда они проснулись, то увидали — подле них лежит камень и на камне что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

Кто найдёт этот камень, тот пускай идёт прямо в лес на восход солнца. В лесу придёт река; пускай плывёт через эту реку на другую сторону. Увидишь медведицу с медвежатами: отними медвежат у медведицы и беги без оглядки прямо в гору. На горе увидишь дом и в доме том найдёшь счастье.

Братья прочли, что было написано, и меньшой сказал:

— Давай пойдём вместе. Может быть, мы переплывём эту реку, донесём медвежат до дому и вместе найдём счастье.

Тогда старший сказал:

— Я не пойду в лес за медвежатами и тебе не советую. Первое дело: никто не знает — правда ли написана на этом камне; может быть, всё это написано на смех. Да, может быть, мы и не так разобрали. Второе: если и правда написана

— пойдём мы в лес, придёт ночь, мы не попадём на реку и заблудимся. Да если и найдём реку, как мы переплывём её?

Может быть, она быстра и широка? Третье: если и переплывём реку — разве лёгкое дело отнять у медведицы медвежат: она нас задерёт, и мы, вместо счастья, пропадём ни за что. Четвёртое дело: если нам и удастся унести медвежат, мы не добежим без отдыха в гору. Главное же дело — не сказано: *какое счастье мы найдём в этом доме? Может быть, нас там ждёт такое счастье, какого нам вовсе не нужно.*

А меньшой сказал:

— По-моему, не так. Напрасно этого писать на камне не стали бы. И всё написано ясно. Первое дело: нам беды не будет, если и попытаемся. Второе дело: если мы не пойдём, кто-нибудь другой прочтёт надпись на камне и найдёт счастье, а мы останемся ни при чём. Третье дело: не потрудиться да не поработать — ничто в свете не радует. Четвёртое: не хочу я, чтоб подумали, что я чего-нибудь да побоялся.

Тогда старший сказал:

— И пословица говорит: *искать большого счастья — малое потерять;* да ещё: *не сули журавля в небе, а дай синицу в руки.*

А меньшой сказал:

— А я слыхал — *волков бояться — в лес не ходить;* да ещё: *под лежачий камень вода не потечёт.* По мне, надо идти.

Меньшой брат пошёл, а старший остался.

Как только меньшой брат вошёл в лес, он напал на реку, переплыл её и тут же на берегу увидал медведицу. Она спала. Он ухватил медвежат и побежал без оглядки на гору. Только что добежал доверху, выходит ему навстречу народ: подвезли ему карету, повезли в город и сделали царём.

Он царствовал пять лет. На шестой год пришёл на него войной другой царь, сильнее его; завоевал город и прогнал его. Тогда меньшой брат пошёл опять странствовать и пришёл к старшему брату.

Старший брат жил в деревне ни богато, ни бедно. Братья обрадовались друг другу и стали рассказывать про свою жизнь.

Старший брат и говорит:

— Вот и вышла моя правда: я всё время жил тихо и хорошо, а ты хошь и был царём, зато много горя видел.

А меньшой сказал:

— Я не тужу, что пошёл тогда в лес на гору; хоть мне и плохо теперь, зато есть чем помянуть мою

жизнь, а тебе и помянуть-то нечем.

Уж

У одной женщины была дочь Маша. Маша пошла с подругами купаться. Девочки сняли рубашки, положили на берег и попрыгали в воду.

Из воды выполз большой уж и, свернувшись, лёг на Машину рубашку. Девочки вылезли из воды, надели свои рубашки и побежали домой. Когда Маша подошла к своей рубашке и увидала, что на ней лежит ужак, она взяла палку и хотела согнать его; но уж поднял голову и засипел человечьим голосом:

— Маша, Маша, обещай за меня замуж.

Маша заплакала и сказала:

— Только отдай мне рубашку, а я всё сделаю.

— Пойдёшь ли замуж?

Маша сказала:

— Пойду.

И уж сполз с рубашки и ушёл в воду. Маша надела рубашку и побежала домой. Дома она сказала матери:

— Матушка, ужак лёг на мою рубашку и сказал: иди за меня замуж, а то не отдам рубашки. Я ему обещала.

Мать посмеялась и сказала:

— Это тебе приснилось.

Через неделю целое стадо ужей приползло к Машиному дому.

Маша увидала ужей, испугалась и сказала:

— Матушка, за мной ужи приползли.

Мать не поверила, но как увидала, сама испугалась и заперла сени и дверь в избу. Ужи проползли под ворота и вползли в сени, но не могли пройти в избу. Тогда они выползли назад, все вместе свернулись клубком и бросились в окно. Они разбили стекло, упали на пол в избу и поползли по лавкам, столам и на печку. Маша забилась в угол на печи, но ужи нашли ее, стащили оттуда и повели к воде.

Мать плакала и бежала за ними, но не догнала. Ужи вместе с Машей бросились в воду.

Мать плакала о дочери и думала, что она умерла.

Один раз мать сидела у окна и смотрела на улицу. Вдруг она увидала, что к ней идёт её Маша и ведёт за руку маленького мальчика, а на руках несёт девочку.

Мать обрадовалась и стала целовать Машу и спрашивать её, где она была и чьи это дети? Маша сказала, что это её дети, что уж взял её замуж и что она живёт с ним в водяном царстве.

Мать спросила дочь, хорошо ли ей жить в водяном царстве, и дочь сказала, что лучше, чем на земле.

Мать просила Машу, чтоб она осталась с нею, но Маша не согласилась. Она сказала, что обещала мужу вернуться.

Тогда мать спросила дочь:

— А как же ты домой пойдёшь?

— Пойду, покличу: «Осип, Осип, выйди сюда и возьми меня», он и выйдет на берег и возьмёт меня.

Мать сказала тогда Маше:

— Ну, хорошо, только переночуй у меня.

Маша легла и заснула, а мать взяла топор и пошла к воде.

Она пришла к воде и стала звать:

— Осип, Осип, выйди сюда!

Уж выплыл на берег. Тогда мать ударила его топором и отрубила ему голову. Вода сделалась красною от крови.

Мать пришла домой, а дочь проснулась и говорит:

— Я пойду домой, матушка; мне скучно стало. — И она пошла.

Маша взяла девочку на руки, а мальчика повела за руку.

Когда они пришли к воде, она стала кликать:

— Осип, Осип, выйди ко мне!

Но никто не выходил.

Тогда она посмотрела на воду и увидала, что вода красная и ужовая голова плавает по ней.

Тогда Маша поцеловала дочь и сына и сказала им:

— Нет у вас батюшки, не будет у вас и матушки. Ты, дочка, будь птичкой ласточкой, летай над водой; ты, сынок, будь соловейчиком, распевай по зорям; а я буду кукушечкой, буду куковать по убитому по своему мужу.

И они все разлетелись в разные стороны.

Царский сын и его товарищи

У царя было два сына. Царь любил старшего и отдал ему всё царство. Мать жалела меньшего сына и спорила с царём. Царь на неё за то сердился, и каждый день была у них из-за этого ссора. Меньший царевич и подумал: «Лучше мне уйти куда-нибудь», — простился с отцом и матерью, оделся в простое платье и пошёл странствовать.

На пути сошёлся он с купцом. Купец рассказал царевичу, что был он прежде богат, но что все его товары потонули в море и что он идёт теперь в чужие края поискать счастья.

Они пошли вместе. На третий день сошёлся с ними ещё товарищ. Они разговорились, и новый товарищ рассказал, что он мужик; были у него дом и земля, но что была война, поля его стоптали и двор его сожгли, — не при чём ему стало жить, — и что идёт он теперь искать работы на чужую сторону. Они пошли все вместе. Подошли они к большому городу и сели отдохнуть. Вот мужик и говорит:

— Ну, братцы, будет нам гулять, теперь мы пришли к городу, надо нам за работу приниматься, кто какую умеет.

Купец говорит:

— Я умею торговать. Если б у меня было хоть немного денег, я бы много наторговал.

А царевич говорит:

— А я не умею ни работать, ни торговать, я только умею царствовать. Если б было у меня царство, я бы хорошо царствовал.

А мужик говорит:

— А мне ни денег, ни царства не нужно, у меня только бы ноги ходили да руки ворочали — я проживу и вас ещё прокормлю. А то вы, пока кто денег, а кто царства дожидаетесь, с голоду помрёте.

А царевич говорит:

— Купцу деньги нужны, мне царство нужно, тебе сила нужна, чтоб работать; а и деньги, и царство, и сила — нам от Бога. Захочет Бог — и мне царство даст, и тебе силу, а не захочет — ни тебе силы, ни мне царства не даст.

Мужик не стал слушать, а пошёл в город. В городе он нанялся таскать дрова. Ввечеру ему заплатили деньги. Он их принёс товарищам и говорит:

— Вы покуда собираетесь царствовать, а я уж заработал.

На другой день купец выпросил денег у мужика

и пошёл в город.

На торгу купец узнал, что в городе мало масла и каждый день ждут нового привоза. Купец пошёл на пристань и стал высматривать корабли. При нём пришёл корабль с маслом. Купец прежде всех вошёл на корабль, отыскал хозяина, купил всё масло и за свои хлопоты заработал денег в десять раз больше против мужика и принёс товарищам. Царевич и говорит:

— Ну, теперь мой черёд идти в город. Вам обоим посчастливилось, может, и мне то же будет. Для Бога ничего не трудно, — что тебе мужику дать работу, что купцу барыши, что царевичу царство.

Входит царевич в город, видит он — народ ходит по улицам и плачет. Царевич стал спрашивать, о чём плачут. Ему говорят:

— Разве не знаешь, нынче в ночь наш царь умер, и другого царя нам такого не найти.

— Отчего же он умер?

— Да, должно быть, злодеи наши отравили.

Царевич рассмеялся и говорит:

— Это не может быть.

Вдруг один человек присмотрелся к царевичу, приметил, что он говорит не чисто по-ихнему и одет не так, как все в городе, и крикнул:

— Ребята! Этот человек подослан к нам от наших злодеев разузнавать про наш город. Может, он сам отравил царя. Видите, он и говорит не по-нашему, и смеётся, когда мы все плачем. Хватайте его, ведите в тюрьму!

Царевича схватили, отвели в тюрьму и два дня не давали ему пищи. На третий день пришли за царевичем и повели его на суд. Народа собралось много слушать, как будут судить царевича.

На суде царевича спросили, кто он и зачем пришёл в их город. Царевич сказал:

— Я — царский сын. Мой отец отдал всё царство старшему брату, а мать за меня заступалась, и из-за меня отец с матерью ссорились. Я этого не захотел, простился с отцом и матерью и ушёл странствовать. По дороге встретил я двух товарищей: купца и мужика и с ними подошёл к вашему городу. Когда мы сидели и отдыхали за городом, мужик сказал, что надо теперь работать, кто что умеет; купец сказал, что он умеет торговать, но что у него денег нет; а я сказал, что я умею только царствовать, да у меня царства нет. Мужик сказал, что мы с голоду помрём, дожидаючи денег да царства, а что у него есть сила в руках и что он и себя и нас прокормит. И он пошёл в город, заработал деньги и принёс нам. Купец на эти

деньги пошёл и наторговал вдесятеро; а я пошёл в город, и вот меня взяли и понапрасну посадили в тюрьму и два дня не давали есть и теперь хотят казнить. Да я этого ничего не боюсь, потому что знаю, что всё от Бога, и захочет Бог, так вы меня казните понапрасну, а захочет, так вы меня царём сделаете.

Когда он всё это сказал, судья замолчал и не знал, что говорить. Вдруг один человек из народа закричал:

— Нам Бог послал этого царевича. Мы не найдём себе лучшего царя! Выбирайте его в цари!

И все выбрали его царём.

Когда его выбрали царём, царевич послал за город привести к себе своих товарищей. Когда им сказали, что их требует царь, они испугались: думали, что они сделали какую-нибудь вину в городе. Но им нельзя было убежать, и их привели к царю. Они упали ему в ноги, но царь велел встать. Тогда они узнали своего товарища. Царь рассказал им всё, что с ним было, и сказал им:

— Видите ли вы, что моя правда? Худое и доброе — всё от Бога. И Богу не труднее дать царство царевичу, чем купцу — барыш, а мужику — работу.

Он наградил их и оставил жить в своём царстве.

Волк и мужик

Гнались за волком охотники. И набежал волк на мужика. Мужик шёл с гумна и нёс цеп и мешок.

Волк и говорит:

— Мужик, спрячь меня, — меня охотники гонят.

Мужик пожалел волка, спрятал его в мешок и взвалил на плечи.

Наезжают охотники и спрашивают мужика, не видал ли волка?

— Нет, не видал.

Охотники уехали. Волк выскочил из мешка и бросился на мужика, хочет его съесть. Мужик и говорит:

— Ах, волк, нет в тебе совести: я тебя спас, а ты ж меня съесть хочешь.

А волк и говорит:

— Старая хлеб-соль не помнится.

— Нет, старая хлеб-соль помнится, хоть у кого хочешь спроси — всякий скажет, что помнится.

Волк и говорит:

— Давай пойдём вместе по дороге. Кого первого встретим, спросим: забывается ли старая хлеб-соль или помнится? Если скажут: помнится, — я

пущу тебя, а скажут: забывается, — съем.

Пошли они по дороге, и повстречалась им старая, слепая кобыла. Мужик и спрашивает:

— Скажи, кобыла, что, помнится старая хлеб-соль или забывается?

Кобыла говорит:

— Да вот как: жила я у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, и всё то время пахала да возила, а прошлым годом ослепла и всё работала на рушалке; а вот намедни стало мне не в силу кружиться, я и упала на колесо. Меня били, били, стащили за хвост под кручь и бросили. Очнулась я, насилу выбралась, и куда иду — сама не знаю.

Волк говорит:

— Мужик, видишь, — старая хлеб-соль не помнится.

Мужик говорит:

— Погоди, ещё спросим.

Пошли дальше. Встречается им старая собака. Ползёт, зад волочит. Мужик говорит:

— Ну, скажи, собака, забывается ли старая хлеб-соль или помнится?

— А вот как: жила я у хозяина пятнадцать лет, его дом стерегла, лаяла и бросалась кусаться; а вот состарилась, зуб не стало — меня со двора прогнали, да ещё зад оглоблею отбили. Вот и волочусь, сама не знаю куда, подальше от старого хозяина.

Волк говорит:

— Слышишь, что говорит?

А мужик говорит:

— Погоди ещё до третьей встречи.

И встречается им лисица. Мужик говорит:

— Скажи, лиса, что, помнится старая хлеб-соль или забывается?

А лиса говорит:

— Тебе зачем знать?

А мужик говорит:

— Да вот бежал волк от охотников, стал меня просить, — и я спрятал его в мешок, а теперь он меня съесть хочет.

Лисица и говорит:

— Да разве можно большому волку в такой мешок уместиться? Кабы я видела, я бы вас рассудила.

Мужик говорит:

— Весь поместится, хоть у него сама спроси.

И волк сказал:

— Правда.

Тогда лисица говорит:

— Не поверю, пока не увижу. Покажи, как ты лазил.

Тогда волк всунул голову в мешок и говорит:

— Вот как.

Лисица говорит:

— Ты весь влезь, а то я так не вижу.

Волк и влез в мешок.

Лисица и говорит мужику:

— Теперь завяжи.

Мужик завязал мешок. Лисица и говорит:

— Ну, теперь покажи, мужик, как ты на току хлеб молотишь.

Мужик обрадовался и стал бить цепом по волку. А потом говорит:

— А посмотри, лисица, как на току хлеб отворачивают, — и ударил лисицу по голове и убил, а сам говорит: — Старая хлеб-соль не помнится!

Шат и Дон

У старика Ивана было два сына: Шат Иваныч и Дон Иваныч. Шат Иваныч был старший брат; он был сильнее и больше, а Дон Иваныч был меньший и был меньше и слабее. Отец показал каждому дорогу и велел им слушаться. Шат Иваныч не послушался отца и не пошёл по показанной дороге, сбился с пути и пропал. А Дон Иваныч слушал отца и шёл туда, куда отец приказывал. Зато он прошёл всю Россию и стал славен.

В Тульской губернии, в Епифанском уезде, есть деревня «Иван-озеро», и в самой деревне есть озеро. Из озера вытекают в разные стороны два ручья. Один ручей так узок, что через него перешагнуть можно. Этот ручей называют Дон. Другой ручеёк широкий, и его называют Шат.

Дон идёт всё прямо, и чем дальше он идёт, тем шире становится.

Шат вертится с одной стороны на другую.

Дон прошёл через всю Россию и впал в Азовское море. В нём много рыбы, и по нём ходят барки и пароходы.

Шат зашатался, не вышел из Тульской губернии и впал в реку Упу́.

Рассказы

Лев и собачка
Быль

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками

на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей; он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом. Лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но, как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ощетинил-

ся и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ощетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался по клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собаку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Девочка и грибы
Быль

Две девочки шли домой с грибами.

Им надо было переходить через железную дорогу.

Они думали, что машина далеко, взлезли на насыпь и пошли через рельсы.

Вдруг зашумела машина. Старшая девочка побежала назад, а меньшая — перебежала через дорогу.

Старшая девочка закричала сестре:

— Не ходи назад!

Но машина была так близко и так громко шумела, что меньшая девочка не расслышала; она подумала, что ей велят бежать назад. Она побежала назад через рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать их.

Машина уже была близко, и машинист свистел что было силы.

Старшая девочка кричала:

— Брось грибы! А маленькая девочка думала, что ей велят собрать грибы, и ползала по дороге.

Машинист не мог удержать машины. Она сви-

стала изо всех сил и наехала на девочку.

Старшая девочка кричала и плакала. Все проезжающие смотрели из окон вагонов, а кондуктор побежал на конец поезда, чтобы видеть, что сделалось с девочкой.

Когда поезд прошёл, все увидали, что девочка лежит между рельсами головой вниз и не шевелится.

Потом, когда поезд уже отъехал далеко, девочка подняла голову, вскочила на колени, собрала грибы и побежала к сестре.

Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза
Быль

Когда я был маленький, меня послали в лес за грибами. Я дошёл до лесу, набрал грибов и хотел идти домой. Вдруг стало темно, пошёл дождь и загремело. Я испугался и сел под большой дуб. Блеснула молния такая светлая, что мне глазам больно стало, и я зажмурился. Над моей головой что-то затрещало и загремело; потом что-то ударило меня в голову. Я упал и лежал до тех пор, пока перестал дождь. Когда я очнулся, по всему лесу капало с деревьев, пели птицы и играло солнышко. Большой дуб сломался, и из пня шёл дым. Вокруг меня лежали оскрётки[8] от дуба. Платье на мне было всё мокрое и липло к телу; на голове была шишка, и было немножко больно. Я нашёл свою шапку, взял грибы и побежал домой. Дома никого не было; я достал в столе хлеба и влез на печку. Когда я проснулся, я увидал с печки, что грибы мои изжарили, поставили на стол и уже хотят есть. Я закричал: «Что вы без

[8] Примечания: 8
Оскрётки — щепки.

меня едите?» Они говорят: «Что ж ты спишь? Иди скорей, ешь».

Орёл
Быль

Орёл свил себе гнездо на большой дороге, вдали от моря, и вывел детей.

Один раз подле дерева работал народ, а орёл подлетал к гнезду с большой рыбой в когтях. Люди увидали рыбу, окружили дерево, стали кричать и бросать в орла каменьями.

Орёл выронил рыбу, а люди подняли её и ушли. Орёл сел на край гнезда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орёл устал и не мог лететь опять на море; он опустился в гнездо, прикрыл орлят крыльями, ласкал их, оправлял им перышки и как будто просил их, чтобы они подождали немного. Но чем больше он их ласкал, тем громче они пищали.

Тогда орёл отлетел от них и сел на верхний сук дерева.

Орлята засвистали и запищали ещё жалобнее.

Тогда орёл вдруг сам громко закричал, расправил крылья и тяжело полетел к морю. Он вернулся только поздно вечером, он летел тихо и низко над землёю, в когтях у него опять была

большая рыба.

Когда он подлетал к дереву, он оглянулся — нет ли опять вблизи людей, быстро сложил крылья и сел на край гнезда.

Орлята подняли головы и разинули рты, а орёл разорвал рыбу и накормил детей.

Как дядя рассказывал про то, как он ездил верхом

У нас был старый старик, Пимен Тимофеич. Ему было девяносто лет. Он жил у своего внука без дела. Спина у него была согнутая, он ходил с палкой и тихо передвигал ногами. Зубов у него совсем не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда он ходил и когда говорил, он шлёпал губами, и нельзя было понять, что он говорит.

Нас было четыре брата, и все мы любили ездить верхом. Но смирных лошадей у нас для езды не было. Только на одной старой лошади нам позволяли ездить; эту лошадь звали Воронок.

Один раз матушка позволила нам ездить верхом, и мы все пошли в конюшню с дядькой. Кучер оседлал нам Воронка, и первый поехал старший брат. Он долго ездил; ездил на гумно и кругом села, и, когда он подъезжал назад, мы закричали:

— Ну, теперь проскочи!

Старший брат стал бить Воронка ногами и хлыстом, и Воронок проскакал мимо нас.

После старшего сел другой брат, и он ездил дол-

го и тоже хлыстом разогнал Воронка и проскакал из-под горы. Он ещё хотел ездить, но третий брат просил, чтобы он поскорее пустил его. Третий брат проехал и на гумно, и вокруг сада, да ещё и по деревне, и шибко проскакал из-под горы к конюшне. Когда он подъехал к нам, Воронок сопел, а шея и лопатки потемнели у него от пота.

Когда пришёл мой черёд, я хотел удивить братьев и показать им, как я хорошо езжу, — стал погонять Воронка изо всех сил, но Воронок не хотел идти от конюшни. И сколько я ни колотил его, он не хотел скакать, а шёл шагом и то всё заворачивал назад. Я злился на лошадь и изо всех сил бил её хлыстом и ногами.

Я старался бить её в те места, где ей больнее, сломал хлыст и остатком хлыста стал бить по голове. Но Воронок всё не хотел скакать. Тогда я поворотил назад, подъехал к дядьке и попросил хлыстика покрепче. Но дядька сказал мне:

— Будет вам ездить, сударь, слезайте. Что лошадь мучить?

Я обиделся и сказал:

— Как же, я совсем не ездил? Посмотри, как я сейчас проскачу! Дай, пожалуйста, мне хлыст покрепче. Я его разожгу.

Тогда дядька покачал головой и сказал:

— Ах, сударь, жалости в вас нет. Что его разжигать? Ведь ему двадцать лет. Лошадь измучена, насилу дышит, да и стара. Ведь она такая старая! Всё равно как Пимен Тимофеич. Вы бы сели на Тимофеича, да так-то чрез силу погоняли бы его хлыстом. Что же, вам не жалко бы было?

Я вспомнил про Пимена и послушал дядьки. Я слез с лошади, и, когда я посмотрел, как она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облезшим хвостиком, я понял, что лошади трудно было. А то я думал, что ей было так же весело, как мне. Мне так жалко стало Воронка, что я стал целовать его в потную шею и просить у него прощенья за то, что я его бил.

С тех пор я вырос большой и всегда жалею лошадей и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимофеича, когда вижу, что мучают лошадей.

Как тётушка рассказывала о том, как она выучилась шить

Когда мне было шесть лет, я просила мать дать мне шить. Она сказала:

— Ты ещё мала, ты только пальцы наколешь.

А я всё приставала. Мать достала из сундука красный лоскут и дала мне; потом вдела в иголку красную нитку и показала мне, как держать.

Я стала шить, но не могла делать ровных стежков: один стежок выходил большой, а другой попадал на самый край и прорывался насквозь. Потом я уколола палец и хотела не заплакать, да мать спросила меня:

— Что ты?

Я не удержалась и заплакала. Тогда мать велела мне идти играть.

Когда я легла спать, мне всё мерещились стежки; я всё думала о том, как бы мне скорее выучиться шить, и мне казалось так трудно, что я никогда не выучусь.

А теперь я выросла большая и не помню, как выучилась шить; и когда я учу шить свою девочку, удивляюсь, как она не может держать иголку.

Пожарные собаки
Быль

Бывает часто, что в городах на пожарах остаются дети в домах и их нельзя вытащить, потому что они от испуга спрячутся и молчат, а от дыма нельзя их рассмотреть. Для этого в Лондоне[9] приучены собаки. Собаки эти живут с пожарными, и когда загорится дом, то пожарные посылают собак вытаскивать детей. Одна такая собака в Лондоне спасла двенадцать детей; её звали Боб.

Один раз загорелся дом. И когда пожарные приехали к дому, к ним выбежала женщина. Она плакала и говорила, что в доме осталась двухлетняя девочка. Пожарные послали Боба. Боб побежал по лестнице и скрылся в дыме. Через пять минут он выбежал из дома и в зубах за рубашку нёс девочку. Мать бросилась к дочери и плакала от радости, что дочь была жива. Пожарные ласкали собаку и осматривали её — не обгорела ли она; но Боб рвался опять в дом. Пожарные думали, что в доме ещё есть что-нибудь живое, и пустили его. Собака побежала в дом и

---

[9] Примечания: 9
Лондон — главный город у англичан. (*Примеч. Л. Н. Толстого.*)

скоро выбежала с чем-то в зубах. Когда народ рассмотрел то, что она несла, то все расхохотались: она несла большую куклу.

Лебеди
Описание

Лебеди стадом летели из холодной стороны в тёплые земли. Они летели через море. Они летели день и ночь; и другой день и другую ночь, они, не отдыхая, летели над водою. На небе был полный месяц, и лебеди далеко внизу под собой видели синеющую воду. Все лебеди уморились, махая крыльями; но они не останавливались и летели дальше. Впереди летели старые, сильные лебеди, сзади летели те, которые были моложе и слабее. Один молодой лебедь летел позади всех. Силы его ослабели. Он взмахнул крыльями и не мог лететь дальше. Тогда он, распустив крылья, пошёл вниз. Он ближе и ближе спускался к воде; а товарищи его дальше и дальше белелись в месячном свете. Лебедь опустился на воду и сложил крылья. Море всколыхнулось под ним и покачало его. Стадо лебедей чуть виднелось белой чертой на светлом небе. И чуть слышно было в тишине, как звенели их крылья. Когда они совсем скрылись из вида, лебедь загнул назад шею и закрыл глаза. Он не шевелился, и только море, поднимаясь и опуска-

ясь широкой полосой, поднимало и опускало его. Перед зарёй лёгкий ветерок стал колыхать море. И вода плескала в белую грудь лебедя. Лебедь открыл глаза. На востоке краснела заря, и месяц и звёзды стали бледнее. Лебедь вздохнул, вытянул шею и, взмахнув крыльями, приподнялся и полетел, цепляя крыльями по воде. Он поднимался выше и выше и полетел один над тёмными вскалыхавшимися волнами.

Косточка
Быль

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они ещё лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит — одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

— А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

— Нет.

Ваня покраснел как рак и сказал тоже:

— Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

— Что съел кто-нибудь из вас — это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

— Нет, я косточку бросил за окошко.
И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Филипок
Быль

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему:

— Куда ты, Филипок, собрался?

— В школу.

— Ты ещё мал, не ходи. — И мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на подённую работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке.

Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипок шёл по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

— Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх: «Что, как учитель меня прогонит?» И стал думать, что ему делать. Назад идти — опять собака заест, в школу идти — учителя боится. Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

— Все учатся, а ты что тут стоишь?

Филипок и пошёл в школу.

В сенцах снял шапку и отворил дверь.

Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

— Ты что? — закричал он на Филипка.

Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

— Да ты кто?

Филипок молчал.

— Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.

— Ну, так иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

— Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

— Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уже знал и немножко читать умел.

— Ну-ка, сложи своё имя.

Филипок сказал:

— Хве-и-хви, ле-и-ли, пе-ок-пок.

Все засмеялись.

— Молодец, — сказал учитель. — Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

— Костюшка! Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!

Учитель засмеялся и сказал:

— Ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

Зайцы
Описание

Зайцы по ночам кормятся. Зимой зайцы лесные кормятся корою деревьев, зайцы полевые — озимями и травой, гуменники — хлебными зёрнами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники — и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но Бог дал зайцу трусость, — и трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги его просыпаются, заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу и начинает от страха метаться из стороны в сторону. Проскачет вперёд, испугается чего-нибудь и побежит назад по своему следу. Ещё услышит что-нибудь — и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь — опять заяц повернётся назад и опять поскачет в сторону. Когда светло

станет, он ляжет.

Наутро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далёким прыжкам и удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

Русак
Описание

Заяц-русак[10] жил зимою подле деревни. Когда пришла ночь, он поднял одно ухо, послушал; потом поднял другое, поводил усами, понюхал и сел на задние лапы. Потом он прыгнул раз-другой по глубокому снегу и опять сел на задние лапы и стал оглядываться. Со всех сторон ничего не было видно, кроме снега. Снег лежал волнами и блестел, как сахар. Над головой зайца стоял морозный пар, и сквозь этот пар виднелись большие яркие звёзды.

Зайцу нужно было перейти через большую дорогу, чтобы прийти на знакомое гумно. На большой дороге слышно было, как визжали полозья, фыркали лошади и скрипели кресла в санях[11].

Заяц опять остановился подле дороги. Мужики шли подле саней с поднятыми воротниками кафтанов. Лица их были чуть видны. Бороды, усы,

---

[10] Примечания: 10

Заяц-русак — серый заяц, сохраняющий одну окраску шерсти и зимой, и летом.

[11] Примечания: 11

Кресла в санях — приспособление из трёх брусьев, прикрепляемых к задней части саней или телеги для перевозки большой клади.

ресницы их были белые. Изо ртов и носов их шёл пар. Лошади их были потные, и к поту пристал иней. Лошади толкались в хомутах, ныряли, выныривали в ухабах. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядом, и один рассказывал другому, как у него украли лошадь.

Когда обоз проехал, заяц перескочил дорогу и полегоньку пошёл к гумну. Собачонка от обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за ним. Заяц поскакал к гумну по субоям[12]; зайца держали субои, а собака на десятом прыжке завязла в снегу и остановилась. Тогда заяц тоже остановился, посидел на задних лапах и потихоньку пошёл к гумну. По дороге он, на зеленях[13], встретил двух зайцев. Они кормились и играли. Заяц поиграл с товарищами, покопал с ними морозный снег, поел озими и пошёл дальше. На деревне было всё тихо, огни были потушены. Только слышался на улице плач ребёнка в избе да треск мороза в брёвнах изб. Заяц прошёл на гумно и там нашёл товарищей. Он поиграл с ними на расчищенном току, поел овса из начатой кладушки,

---

[12] Примечания: 12
Субо́и — сугробы.

[13] Примечания: 13
Зелена́ — поля со всходами о́зими (посеянной осенью, под снег, ржи).

взобрался по крыше, занесённой снегом, на овин и через плетень пошёл назад к своему оврагу. На востоке светилась заря, звёзд стало меньше, и ещё гуще морозный пар подымался над землёю. В ближней деревне проснулись бабы и шли за водой; мужики несли корм с гумен, дети кричали и плакали. По дороге ещё больше шло обозов, и мужики громче разговаривали.

Заяц перескочил через дорогу, подошёл к своей старой норе, выбрал местечко повыше, раскопал снег, лёг задом в новую нору, уложил на спине уши и заснул с открытыми глазами.

Черёмуха

Одна черёмуха выросла на дорожке из орешника и заглушала лещиновые кусты. Долго думал я — рубить или не рубить её: мне жаль было. Черёмуха эта росла не кустом, а деревом, вершка[14] три в отрубе и сажени[15] четыре в вышину, вся развилистая, кудрявая и вся обсыпанная ярким, белым, душистым цветом. Издалека слышен был её запах. Я бы и не срубил её, да один из работников (я ему прежде сказал вырубить всю черёмуху) без меня начал рубить её. Когда я пришёл, уже он врубился в неё вершка на полтора, и сок так и хлюпал под топором, когда он попадал в прежнюю тяпку. «Нечего делать, видно, судьба», — подумал я, взял сам топор и начал рубить вместе с мужиком.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топор, и потом напрямик подсечь подкошенное, и дальше и дальше врубаться в дерево.

---

[14] Примечания: 14
Верш́ок — старинная мера длины, около 4,4 см.

[15] Примечания: 15
Са́жень — старинная мера длины, около 2,1 м.

Я совсем забыл о черёмухе и только думал о том, как бы скорее свалить её. Когда я запыхался, я положил топор, упёрся с мужиком в дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на нас закапало с него росой, и посыпались белые, душистые лепестки цветов.

В то же время — точно вскрикнуло что-то — хрустнуло в средине дерева; мы налегли, и, как будто заплакало, затрещало в средине, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цветами на траву. Подрожали ветки и цветы после падения и остановились.

— Эх! Штука-то важная! — сказал мужик. — Живо жалко!

А мне так было жалко, что я поскорее отошёл к другим рабочим.

Булька
Рассказ офицера

У меня была мордашка. Её звали Булькой. Она была вся чёрная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперёд, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое; глаза большие, чёрные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа. Булька был смирный и не кусался, но он был очень силен и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нём держался, пока его не отлили

холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушёл от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую перекладную[16], как вдруг увидал, что по дороге катится что-то чёрное и блестящее. Это был Булька в своём медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюни, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не поспевал дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо, по моему следу, поскакал по дороге и проскакал так вёрст двадцать в самый жар.

---

[16] Примечания: 16

Перекладна́я — экипаж, запряжённый лошадьми, которые менялись на почтовых станциях; на перекладных путешествовали в России до проведения железных дорог.

Булька и кабан

Один раз на Кавказе мы пошли на охоту за кабанами, и Булька прибежал со мной. Только что гончие погнали, Булька бросился на их голос и скрылся в лесу. Это было в ноябре месяце: кабаны и свиньи бывают тогда очень жирные.

На Кавказе, в лесах, где живут кабаны, бывает много вкусных плодов: дикого винограду, шишек, яблок, груш, ежевики, желудей, терновнику. И когда все эти плоды поспеют и тронутся морозом, кабаны отъедаются и жиреют.

В то время кабан так бывает жирен, что недолго может бегать под собаками. Когда его погоняют часа два, он забивается в чащу и останавливается. Тогда охотники бегут к тому месту, где он стоит, и стреляют. По лаю собак можно знать, стал ли кабан или бежит. Если он бежит, то собаки лают с визгом, как будто их бьют; а если он стоит, то они лают, как на человека, и подвывают.

В эту охоту я долго бегал по лесу, но ни разу мне не удалось перебежать дорогу кабану. Наконец я услыхал протяжный лай и вой гончих собак и побежал к тому месту. Уж я был близко от кабана. Мне уже слышен был треск по чаще. Это

ворочался кабан с собаками. Но слышно было по лаю, что они не брали его, а только кружились около. Вдруг я услыхал — зашуршало что-то сзади, и увидал Бульку. Он, видно, потерял гончих в лесу и спутался, а теперь слышал их лай и так же, как я, что было духу катился в ту сторону. Он бежал через полянку, по высокой траве, и мне от него видна только была его чёрная голова и закушенный язык в белых зубах. Я окликнул его, но он не оглянулся, обогнал меня и скрылся в чаще. Я побежал за ним, но чем дальше я шёл, тем лес становился чаще и чаще. Сучки сбивали с меня шапку, били по лицу, иглы терновника цеплялись за платье. Я уже был близок к лаю, но ничего не мог видеть.

Вдруг я услыхал, что собаки громче залаяли; что-то сильно затрещало, и кабан стал отдуваться и захрипел. Я так и думал, что теперь Булька добрался до него и возится с ним. Я из последних сил побежал через чащу к тому месту.

В самой глухой чаще я увидал пёструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одном месте, и в трёх шагах от неё возилось и чернело что-то.

Когда я подвинулся ближе, я рассмотрел кабана и услыхал, что Булька пронзительно завизжал. Кабан захрюкал и посунулся на гончую, гончая

поджала хвост и отскочила. Мне стал виден бок кабана и его голова. Я прицелился в бок и выстрелил. Я видел, что попал. Кабан хрюкнул и затрещал прочь от меня по чаще. Собаки визжали, лаяли следом за ним, я по чаще ломился за ними. Вдруг, почти у себя под ногами, я увидал и услыхал что-то. Это был Булька. Он лежал на боку и визжал. Под ним была лужа крови. Я подумал: пропала собака; но мне теперь не до него было, я ломился дальше.

Скоро я увидал кабана. Собаки хватали его сзади, а он поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабан увидал меня, он сунулся ко мне. Я выстрелил другой раз почти в упор, так что щетина загорелась на кабане, и кабан захрипел, зашатался и всей тушей тяжело хлопнулся наземь.

Когда я подошёл, кабан уже был мёртвый, и только то там, то тут его пучило и подёргивало. Но собаки, ощетинившись, одни рвали его за брюхо и за ноги, а другие лакали кровь из раны.

Тут я вспомнил про Бульку и пошёл его искать. Он полз мне навстречу и стонал. Я подошёл к нему, присел и посмотрел его рану. У него был распорот живот, и целый комок кишок из живота волочился по сухим листьям. Когда товарищи

подошли ко мне, мы вправили Бульке кишки и зашили ему живот. Пока зашивали живот и прокалывали кожу, он всё лизал мне руки.

Кабана привязали к хвосту лошади, чтобы вывезти из лесу, а Бульку положили на лошадь и так привезли его домой. Булька проболел недель шесть и выздоровел.

Котёнок
Быль

Были брат и сестра — Вася и Катя; у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти. Один раз они играли подле амбара и услыхали — над головой кто-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и всё спрашивала: «Нашёл? Нашёл?» Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей:

— Нашёл! Наша кошка… и у неё котята; какие чудесные; иди сюда скорее.

Катя побежала домой, достала молока и при-

несла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому по дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка.

Вдруг они услыхали, что кто-то громко кричит: «Назад, назад!» — и увидали, что скачет охотник, а впереди его две собаки — увидали котёнка и хотят схватить его. А котёнок, глупый, вместо того чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак. Катя испугалась собак,

закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак, а Вася принёс домой котёнка и уже больше не брал его с собой в поле.

Акула

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер, но к вечеру погода изменилась: стало душно и, точно из топленной печки, несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул:

— Купаться!

И в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему:

— Не выдавай! Понатужься!

Вдруг с палубы кто-то крикнул:

— Акула!

И все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

— Назад! Назад! Вернитесь! Акула! — закричал артиллерист.

Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы к мальчикам, но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше двадцати шагов.

Мальчики сначала не слыхали того, что́ им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услыхали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но, когда дым разошёлся над водою, со всех сторон послышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл глаза, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Прыжок
Быль

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к двенадцатилетнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи.

Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту

он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше.

— Так не уйдёшь же ты от меня! — закричал мальчик и полез выше.

Обезьяна опять подманила его и полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха.

На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой[17] за верёвку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась.

От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидали, что он пустил верёвку и ступил на перекладину,

---

[17] Примечания: 17

У обезьян четыре руки. (*Примеч. Л. Н. Толстого.*)

покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться — и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошёл до края перекладины и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты.

Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружьё, чтобы стрелять чаек[18]. Он увидал сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал:

— В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю! Мальчик шатался, но не понимал.

— Прыгай, или застрелю! Раз, два…

И как только отец крикнул «три», мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлёпнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже двадцать молодцов матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через сорок — они долги

---

[18] Примечания: 18
Морские птицы. (*Примеч. Л. Н. Толстого.*)

показались всем — вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль.

Через несколько минут у него изо рта и носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидал это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтобы никто не видал, как он плачет.

Рассказ аэронавта

Народ собрался смотреть на то, как я полечу. Шар был готов. Он подрагивал, рвался вверх на четырёх канатах и то морщился, то надувался. Я простился с своими, сел в лодку, осмотрел, все ли мои припасы были по местам, и закричал:

— Пускай!

Канаты подрезали, и шар поднялся кверху, сначала тихо, — как жеребец сорвался с привязи и оглядывался, — и вдруг дёрнул кверху и полетел так, что дрогнула и закачалась лодка. Внизу захлопали в ладоши, закричали и замахали платками и шляпами. Я взмахнул им шляпой и не успел опять надеть её, как уж я был так высоко, что с трудом мог разобрать людей. Первую минуту мне стало жутко, и мороз пробежал по жилам; но потом вдруг так стало весело на душе, что я забыл бояться.

Мне уж чуть слышен был шум в городе. Как пчёлы, шумел народ внизу. Улицы, дома, река, сады в городе виднелись мне внизу, как на картинке. Мне казалось, что я царь над всем городом и народом, — так мне весело было наверху. Я

шибко поднимался кверху, только подрагивали верёвки в лодке, да раз налетел на меня ветер, перевернул меня два раза на месте; но потом опять не слыхать было, лечу ли я или стою на месте. Я только потому замечал, что лечу кверху, что всё меньше и меньше становилась подо мной картинка города и дальше становилось видно. Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдруг я заметил, что земля подо мной стала как чашка. Края были выпуклые, — на дне чашки был город. Мне веселее и веселее становилось. Весело и легко было дышать и хотелось петь. Я запел, но голос мой был такой слабый, что я удивился и испугался своему голосу.

Солнце ещё стояло высоко, но на закате тянулась туча, и вдруг она закрыла солнце. Мне опять стало жутко, и я, чтоб заняться чем-нибудь, достал барометр[19] и посмотрел на него и по нём узнал, что я поднялся уже на четыре версты. Когда я клал на место барометр, что-то затрепыхалось около меня, и я увидал голубка. Я вспомнил, что взял голубка затем, чтобы спустить его с записочкой вниз. Я написал на бумажке, что я жив и здоров, на четырёх верстах высоты,

---

[19] Примечания: 19

Баро́метр — здесь: прибор для измерения высоты.

и привязал бумажку к шее голубя. Голубь сидел на краю лодки и смотрел на меня своими красноватыми глазами. Мне казалось, что он просил меня, чтобы я не сталкивал его. С тех пор как стало пасмурно, внизу ничего не было видно. Но нечего делать — надо было послать вниз голубя. Он дрожал всеми перышками, когда я взял его в руку. Я отвёл руку и бросил его. Он, часто махая крыльями, полетел боком, как камень, книзу. Я посмотрел на барометр. Теперь я уже был на пять вёрст над землёю и чувствовал, что мне воздуха мало, и я часто стал дышать. Я потянул за верёвку, чтобы выпустить газ и спускаться, но — ослабел ли я, или сломалось что-нибудь — клапан не открывался. Я обмер. Мне не слыхать было, чтобы я поднимался, ничто не шевелилось, но дышать мне становилось всё тяжелее и тяжелее. «Если я не остановлю шар, — подумал я, — то он лопнет, и я пропал». Чтобы узнать, поднимаюсь ли я или стою на месте, — я выбросил бумажки из лодки. Бумажки, точно камни, летели книзу. Значит, я, как стрела, летел кверху. Я изо всех сил ухватился за верёвку и потянул. Слава Богу, клапан открылся, засвистало что-то. Я выбросил ещё бумажку, — бумажка полетела около меня и поднялась. Значит, я опускался. Внизу всё ещё

ничего не было видно, только как море тумана расстилалось надо мной. Я спустился в туман: это были тучи. Потом подул ветер, понёс меня куда-то, и скоро выглянуло солнце, и я увидал под собой опять чашку земли. Но не было ещё нашего города, а какие-то леса и две синие полосы — реки. Опять мне радостно стало на душе и не хотелось спускаться; но вдруг что-то зашумело подле меня, и я увидал орла.

Он удивлёнными глазами поглядел на меня и остановился на крыльях. Я как камень летел вниз. Я стал скидывать балласт, чтобы задержаться.

Скоро мне стали видны поля, лес и у леса деревня, и к деревне идёт стадо. Я слышал голоса народа и стада. Шар мой спускался тихо. Меня увидали. Я закричал и бросил им верёвки. Сбежался народ. Я увидел, как мальчик первый поймал верёвку. Другие подхватили, прикрутили шар к дереву, и я вышел. Я летал только три часа. Деревня эта была за двести пятьдесят вёрст от моего города.